П. А. ВИТОВТОВЪ.

(Воспоминанія его дочери Аделаиды Павловны Салтыковой).

Дѣдъ мой, съ отцовской стороны, велъ родъ свой отъ князей Литовскихъ. Предокъ его Витовтъ прибылъ въ Россію въ числѣ родичей, съ княжной Софьей Витовтовой, вступившей въ бракъ съ Василіемъ Темнымъ. Впослѣдствіи потомки его приняли Русское окончаніе родового имени. Упустивъ однакоже, невѣдомо почему, свой княжескій титулъ, они приписались къ Костромскому дворянству. При императорѣ Павлѣ дѣдъ началъ свою службу въ л.-гв. Семеновскомъ полку и былъ любимъ, какъ царемъ, такъ и великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ. Въ чинѣ г.-маіора, 26-ти лѣтъ, командовалъ онъ мушкетерскимъ полкомъ въ Нарвѣ, гдѣ и погребенъ 28 л. отъ роду. На памятникѣ надпись гласитъ: «сынъ генералъ-лейтенантъ отцу-генералъ-маіору». Готовясь къ царскому смотру въ Іюльскіе жаркіе дни, высокій, полный, перетянутый по тогдашней военной выправкѣ, онъ былъ сраженъ на конѣ солнечнымъ ударомъ. Онъ уѣхалъ изъ дому бодрымъ, веселымъ, и черезъ какіе нибудь два-три часа былъ внесенъ бездыханнымъ трупомъ къ бѣдной, молодой вдовѣ (18 л.), оставшейся послѣ него съ двумя крошками, сыномъ и дочерью *). Отецъ мой былъ крестникъ государевъ и записанъ при рожденіи подпрапорщикомъ въ полкъ его отца. Въ бытность императора въ Нарвѣ, онъ, въ пятилѣтнемъ возрастѣ, представлялся ему со всѣмъ составомъ офицеровъ. Тогда такія представленія были нерѣдкостію. Дѣду моему обѣщаны были царемъ за удачный смотръ тысяча душъ и слѣдующій чинъ; но судьба рѣшила иначе. Бабушкѣ трудно жилось при вдовьей пенсіи и небольшомъ доходѣ съ имѣнія, до поступленія отца моего въ корпусъ, а тетки въ Смольный институтъ. Много разсказовъ передавала мнѣ милая старушка о тогдашнемъ житьѣ-бытьѣ, какъ боялись проѣзжать Стрѣльну, гдѣ квартировалъ уланскій полкъ цесаревича Константина Павловича. Это

*) Бабушка моя, рожденная Орефьева. Сестры ея были замужемъ: одна за Ромодановскимъ, а другая за Кадниковымъ, богатымъ Вологодскимъ помѣщикомъ, на землѣ котораго и выстроился уѣздный городъ этого имени.

были, повидимому, настоящіе баши-бузуки, безцеремонно останавливали и заглядывали въ экипажи проѣзжихъ. Она сама подверглась такому осмотру, но, предупрежденная, подвязала щеку платкомъ и притворилась спящей. Еще говорила она, какъ трудно было дамамъ при встрѣчѣ съ Государемъ, заранѣе остановивъ экипажъ, выходить на ступеньки и присѣдать. Бывъ въ интересномъ положеніи, она разъ при такой встрѣчѣ велѣла кучеру гнать лошадей и съ трудомъ уѣхала отъ зоркаго царскаго глаза. Кареты тогда имѣли видъ настоящихъ ковчеговъ, и въ нихъ взбирались по нѣсколькимъ откиднымъ ступенькамъ.

Къ уменьшенію роскоши были придуманы для полковыхъ дамъ платья-мундиры тѣхъ цвѣтовъ, которые носили офицеры. Но это нововведеніе не привилось конечно. Отецъ учился отлично и однимъ изъ первыхъ кончилъ въ кадетскомъ корпусѣ. Вотъ какъ въ былое время нравы и обычаи были просты и сердечны отношенія брата къ сестрѣ: располагая самыми ничтожными карманными деньгами, отецъ по Воскресеньямъ и праздникамъ рано утромъ отправлялся пѣшкомъ на пріемъ въ Смольный, который начинался тогда чуть ли не въ 11 часовъ. Выпивъ стаканъ сбитня и закусивъ булкой, купивъ дешевое лакомство, онъ въ морозъ и дождь шествовалъ съ Васильевскаго острова. Не полагалось кадетамъ ни калошъ, ни башлыковъ, а шинели казенныя были подбиты вѣтромъ. Такъ закалялись люди и относились къ роскоши если не пренебрежительно, то, по крайней мѣрѣ, равнодушно. Оттого они понимали нужду подчиненныхъ, радѣли о нихъ и пріобрѣтали, въ свою очередь, ихъ довѣріе и расположеніе.

По выходѣ изъ корпуса отецъ поступилъ въ саперный баталіонъ и имѣлъ счастіе, капитаномъ, оказать государственную услугу въ смутные дни воцаренія Николая I-го. Всѣ офицеры съ командиромъ во главѣ отправились во дворецъ къприсягѣ; отцу разрѣшили остаться дома. Жена его (первая) только что скончалась и лежала на столѣ. Вдругъ прискакалъ дежурый флигель-адъютантъ, кн. Голицынъ, съ повелѣніемъ немедленно собрать баталіонъ и скорымъ шагомъ идти занять дворцовые караулы. Почти бѣгомъ добѣжали саперы, захвативъ патроны, и только успѣли вступить въ караулъ, какъ съ шумомъ и криками «не наши!» ворвались мятежники и скрылись. Въ пятидесятилѣтній юбилей отца ему поднесли картину съ его изображеніемъ предъ выстроившимся баталіономъ и Государя Императора съ Наслѣдникомъ на рукахъ, поручающаго его охранѣ вѣрнаго войска. При сооруженіи памятника императору Николаю I баронъ Клотъ пріѣзжалъ къ отцу за его портретомъ, и тамъ отецъ тоже изображенъ. Картина въ настоящее время находится въ дежурной комнатѣ л.-гвардіи саперная баталіона,

куда отецъ ее завѣщалъ. Слышала я также отъ отца про его знакомство съ Рылѣевымъ, Бестужевымъ, Пестелемъ и другими; про то, какъ строго хранились ихъ тайныя совѣщанія; про его дружбу съ Пущинымъ, братомъ одного изъ главныхъ заговорщиковъ, который находился въ ихъ компаніи не по сочувствію, а преимущественно изъ-за опасенія за брата. Онъ потерпѣлъ кару въ меньшей мѣрѣ, разжалованъ былъ въ рядовые и служилъ въ отрядѣ Паскевича. За храбрость ему возвращено было офицерское званіе, но я уже помню его статскимъ: симпатичная личность, нависшія густыя брови надъ добрыми, сѣрыми глазами и добрѣйшій смѣхъ. Онъ часто посѣщалъ насъ. По лицу его пробѣгала нередко скорбная тѣнь, вызываемая горькими воспоминаніями прошлаго. Да и не мудрено! Вся эта образованная, пылкая молодежь приглашала отца на свои собранія и, ничего не подозрѣвающій, онъ неоднократно стремился къ нимъ, но всякій разъ являлась какая-нибудь неожиданная помѣха. Наконецъ, выбравъ свободную минуту, онъ отправился, но на полпути вдругъ встрѣчается съ Пущинымъ. «Ты куда катишь, Витовтовъ?» спрашиваетъ онъ. «Да вотъ, братецъ, удалось избавиться отъ дѣлъ и ѣду въ гости къ Рылѣеву послушать умныхъ рѣчей»—«Возвращайся во свояси, не пущу», объявляетъ убѣдительно добрый пріятель. Насилу удалось ему отговорить отца и тѣмъ спасти его отъ неминуемой бѣды. Конечно, отецъ не согласился бы принять участіе въ заговорѣ, но плохо бы ему пришлось: утаить—значитъ дѣйствовать противъ присяги, ей измѣнять, а выдать товарищей онъ никогда бы не рѣшился по врожденному благородству. Провидѣніе видимо ему покровительствовало.

Будучи великимъ княземъ, Николай Павловичъ всегда оказывалъ отцу особое благорасположеніе и часто, здороваясь съ нимъ, говорилъ: «здравствуй, Витовтъ, князь Литовскій». Но, воцарившись, онъ не повторялъ этихъ словъ. Отецъ смѣялся и говорилъ, что такъ какъ царское слово ненарушимо, то онъ отвѣтилъ бы Царю: «съ милостиваго разрѣшенія Вашего Императорскаго Величества оставляю за собою этотъ титулъ».

Во дворцѣ у вдовствовавшей Маріи Ѳеодоровны бывали балы, на которые всегда приглашался отецъ, въ числѣ лучшихъ танцоровъ. Онъ описывалъ намъ эти блестящіе пріемы и какъ тогда кадрили танцовались въ четыре пары; надо было продѣлывать искусные пируэты, pas de bourrée, pas de pigeon и др. Ребенкомъ я надоѣдала отцу просьбами показать мнѣ, какъ онъ исполнялъ всѣ эти хореграфическія трудности, и иногда онъ, къ моему восторгу, удовлетворялъ мое дѣт-

ское, назойливое любопытство. По словамъ отца, дамы на этихъ балахъ слѣдовали модамъ Парижскихъ щеголихъ первой Имперіи: таліи короткія, лифы очень вырѣзанные, бѣлыя кисейныя платья и газовые розовые, голубые и другихъ цвѣтовъ шарфы. Младшая Императрица и великія княжны блистали граціей и красотой, а наружность императора Николая I-го всѣмъ извѣстна благородствомъ, величавостью и правильными, античными чертами лица. Очень характеристично по этому поводу остроумное замѣчаніе извѣстной Французской актрисы m-lle Georges. Увидѣвъ Государя, она выразилась такъ: «il a le physique de son emploi» [1]).

Отецъ былъ повышенъ въ чинѣ и назначенъ командовать саперной бригадой, расположенной въ Бобруйскѣ. Посѣтивъ свое Костромское имѣніе, онъ вздумалъ завернуть по сосѣдству въ Вологду, гдѣ рѣшилась его судьба: онъ вторично вступилъ въ бракъ съ моею матерью, урожденной Волковой, красавицей, въ числѣ немногихъ Петербургскихъ, но рѣдко, только по необходимости, показывавшейся въ обществѣ, не любившей свѣтъ, да и здоровья довольно хрупкаго. Воспитывалась она въ Екатерининскомъ Институтѣ и обворожила Марію Ѳеодоровну своимъ прелестнымъ личикомъ. Ея Величество особенно ласково къ ней относилась, при выпускѣ (а кончила она 15-ти лѣтъ); привозила ей конфектъ, цѣловала и благословляла ее. Когда императоръ Александръ I-ый путешествовалъ по Россіи, императрица поручила ему справиться о «ma petite Volkoff de Vologda» [2]). Во время пребыванія своего въ этомъ городѣ, на балѣ въ честь его, Государь спросилъ о любимицѣ своей матери. Ему подвели высокую, стройную, красивую дѣвушку, сконфуженную, раскраснѣвшуюся, и онъ, съ очаровательной, чарующей улыбкой, передалъ ей порученіе матери. Великую зависть возбудила эта бесѣда и пройденный царемъ Польскій съ моею матерью среди Вологодскихъ дамъ и дѣвицъ. Чести такой удостоились только супруги предводителей.

Послѣ женитьбы своей пришлось отцу въ 1828 или 1829 году отправиться въ Турецкій походъ. Мать непремѣнно хотѣла сопутствовать ему, и такъ какъ это позволялось только до извѣстныхъ предѣловъ, испрошено было разрѣшеніе главнаго командира арміи генерала Рота, который задалъ вопросъ «а какова она, не рожа?» и на отвѣтъ: «красавица», соблаговолилъ позволить. Но ей скоро пришлось одной вер-

[1]) Его наружность соотвѣтствуетъ его сану.

[2]) Моя маленькая Вологжанка Волкова.

нуться въ Одессу. Началась осада Варны. Отецъ съ своей командой наводилъ подъ непріятельскимъ огнемъ понтонный мостъ для переправы и первый вступилъ на непріятельскій берегъ. Схвативъ мѣстную лихорадку и не на шутку разхворавшись, онъ вмѣстѣ съ больными и ранеными офицерами и нижними чинами, въ числѣ 25 человѣкъ, долженъ былъ отбыть въ Россію. Онъ былъ только раненъ Турецкимъ штыкомъ въ ногу. Плыли они на незначительномъ иностранномъ суднѣ и всякую минуту подвергались опасности быть захваченными Турецкими, сновавшими по морю, судами. На отца, какъ на старшаго, возложена была обязанность раздачи порцій хлѣба и прѣсной воды. Запасъ истощился, а на бѣду ихъ застигла сильная буря. Въ теченіе нѣсколькихъ дней ихъ носило по высоко вздымавшимся волнамъ, и казалось, что, бросая изъ стороны въ сторону ихъ утлую ладью, эти волны вотъ-вотъ перевернутъ ихъ, или выбросятъ на Турецкое прибрежье. Всѣ одѣлись въ парадную форму въ ожиданіи роковой минуты. Если бы пришлось попасться въ руки ко врагу, дорого продали бы они свою жизнь. Но небо смилостивилось, и Господь донесъ ихъ до желанной пристани. Въ Москвѣ отцу было прописано лѣченіе минеральными водами. Въ то время существовало нѣчто въ родѣ курзала, гдѣ больные пили воды и гуляли, въ довольно обширномъ саду на Остоженкѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь Лицей Цесаревича Николая.

Состоялся переводъ отца въ Петербургъ командиромъ л.-гв. сапернаго баталіона. Вскорѣ послѣ этого случился надѣлавшій много тревоги и причинившій большіе убытки пожаръ Зимняго дворца. Загорѣлось въ верхнемъ этажѣ, гдѣ жила прислуга и гдѣ царствовалъ невообразимый хоасъ (воспитывались тамъ и куры, и телята). Отецъ, дежурный по карауламъ, поспѣшно ѣхалъ на мѣсто катастрофы; лошади понесли его, на мосту Мойки вывалили изъ саней, и онъ ударился головою о тумбу. Кровь хлынула изъ рта, носа и, главное, изъ ушей, что указывало на сотрясеніе въ мозгу. Его отвезли въ безпамятствѣ въ близъ лежавшія Павловскія казармы. На другой день былъ присланъ Государемъ почтенный, заслуженный старикъ, лейбъ-медикъ баронетъ Вилье, и послано было за семейнымъ нашимъ дорогимъ докторомъ Буяльскимъ, весьма извѣстнымъ по удачнымъ операціямъ. Созванный консиліумъ объявилъ, что надежды нѣтъ; но Вилье и Буяльскій остались при особомъ мнѣніи, и послѣдній напрягалъ всѣ свои знанія, чтобы спасти любимаго имъ человѣка. И онъ достигъ своей цѣли. Какъ только больному нѣсколько полегчало, его перенесли на Милліонную, въ домъ нашихъ родственниковъ Глинокъ - Мавриныхъ. Конечно, тамъ уходъ за отцомъ былъ самый усердный. А бѣдная мать

была въ отсутствіи: она уѣхала со старшей сестрой моей навѣстить бабушку въ ея Вологодскомъ имѣніи. Дядя Н. П. Волковъ, ея братъ (также саперъ, впослѣдствіи начальникъ штаба гвардейскаго пѣхотнаго корпуса и позже Олонецкій губернаторъ) поскакалъ извѣстить ее, а также подготовить къ печальному событію, и она, нигдѣ не останавливаясь, дни и ночи спѣшила къ больному. Поправлялся отецъ весьма медленно, память возвращалась постепенно, и почти съ годъ ему было разрѣшено вмѣсто тяжелаго кивера носить фуражку. Великій князь Михаилъ Павл. за время его болѣзненнаго безпамятства и по выздоровленіи нѣсколько разъ навѣщалъ его. Вообще его высочество, не смотря на суровый видъ, былъ человѣкъ необычайной доброты. Кто не читалъ про его снисходительное отношеніе къ проказамъ офицера Булгакова? Кому не извѣстны его отеческое попеченіе и широкая благотворительность? Инвалидамъ и ихъ семьямъ онъ отвелъ помѣщеніе у себя во дворцѣ. Къ нему примѣнимо Французское названіе le bourru bienfaisant (благодѣтельный угрюмецъ). Онъ очень любилъ острить. Смѣясь надъ собою и графомъ Сумароковымъ въ бытность обоихъ артиллеристами, онъ говорилъ: l'artillerie roule sur deux roues (артиллерія катитъ на двухъ рыжихъ, на двухъ колесахъ: roux—рыжій): оба начальника были рыжіе. Когда подписанъ былъ выгодный для Россіи миръ съ Турціей, уронивъ султанъ, который тогда носили на треугольныхъ шляпахъ, онъ сказалъ Государю: Sire, le sultan est à vos pieds (Государь, султанъ у вашихъ ногъ). Когда состоялась помолвка великой княгини Маріи Николаевны съ герцогомъ Лейхтенбергскимъ, стоя съ Государемъ у окна и увидѣвъ подъѣхавшаго герцога, чрезвычайно красиваго, онъ воскликнулъ! Ah le beau harnois. (Ахъ, прекрасная упряжь; ахъ, Богарне; Максимиліанъ былъ сыномъ Евгенія Богарне). Съ великимъ княземъ соперничалъ мѣткими словами и такъ называемыми bons mots только князь Меншиковъ, извѣстный своимъ остроуміемъ и находчивостью.

Вскорѣ послѣдовало назначеніе отца командиромъ л.-гв. сапернаго баталіона, а въ непродолжительномъ времени и начальника инженеровъ. Мы продолжали жить въ саперныхъ казармахъ. Но мать стала хворать; опасались горловой чахотки, и вотъ рѣшена была наша поѣздка въ чужіе края. Тогда еще не было и помину о Варшавской желѣзной дорогѣ; переѣздъ за границу совершался воднымъ путемъ, на частныхъ пароходахъ, грязныхъ и тѣсныхъ. По докладу морского министра дозволено было Императоромъ довести нашу семью до Свинемюнде на царскомъ пароходѣ, шедшемъ туда за кѣмъ-то изъ членовъ царской фамиліи. Мать, сестра, двоюродная сестра, выросшая у насъ въ домѣ

сирота (дочь покойной сестры отца) я, моя няня и поваръ, типичные крѣпостные слуги, отправились въ путь. Съ нами вмѣстѣ перевозился нашъ дормёзъ, цѣлый ковчегъ. Комфортъ былъ полный, и общество веселое и пріятное. Капитанъ Глазенапъ, командиръ судна, и вся его команда наперерывъ ублажали меня-ребенка и сестру-подростка, баловали, а офицеры ухаживали за красавицей шестнадцатилѣтней нашей кузиной. Мать на палубу почти не выходила. Хотя погода и благопріятствовала, тѣмъ не менѣе морская болѣзнь дала о себѣ знать. Отецъ, получивъ отпускъ, пріѣхалъ въ Ниццу, гдѣ мы зимовали и провелъ съ нами Рождественскіе праздники. Зима для Италіи въ этомъ году была суровая. Обывателямъ Ниццы дано мѣткое прозвище marchands de soleil (торгаши солнцемъ) и, дѣйствительно, комнаты на Югъ оплачиваются вдвое дороже противъ расположенныхъ на Сѣверъ. Соотечественниковъ нашихъ было великое множество, да въ изобиліи вездѣсущихъ Англичанъ. Съ нашими слугами происходили забавныя исторіи. Напримѣръ, докторъ прописалъ матери супъ изъ улитокъ. Когда мать призвала повара и приказала изготовить себѣ это блюдо, онъ упалъ къ ней въ ноги, произнося дрожащимъ голосомъ: «Ну, матушка-барыня, какъ угодно, а я подобной гадости моей генеральшѣ не приготовлю». Такъ и пришлось обратиться къ квартирной хозяйкѣ. Няня моя находила Итальянскій языкъ и ихъ вертлявость прямо неприличными, удивляясь, что насъ учатъ такому басурманскому языку и позволяютъ знакомиться и разговаривать съ шутами. Былъ еще презабавный случай. Только что мы перешли съ моря на сушу и двинулись изъ Штеттина далѣе, гдѣ мы ни останавливались, въ деревняхъ и городахъ, любопытство Нѣмцевъ было крайне возбуждено гербомъ на нашемъ дормёзѣ (каретникъ постарался таки придать ему внушительные размѣры). Гдѣ бы мы ни останавливались, насъ окружали, награждая всевозможными титулами, благодаря чему при остановкахъ въ отеляхъ брали за все втридорога. Матери это надѣло, и въ какомъ-то городкѣ, гдѣ мы намѣревались провести день-другой, былъ позванъ маляръ и, по распоряженію матери, гербъ закрасилъ. Надо было видѣть отчаяніе нашего повара! И онъ, и моя няня неотступно просили барыню не ронять своего дворянскаго достоинства; но мать была неумолима, и мы поѣхали далѣе, потерявъ свое обаяніе, простыми бюргерами или мелкими rentiers. Да, дѣйствительно, въ старину слуги дорожили своими господами; они радовались ихъ радостями, печалились ихъ печалями.

Въ началѣ Апрѣля уже начинаются сильные вѣтры и наступаютъ жары, отъ которыхъ, какъ птицы разлетаются въ разныя стороны

пріѣзжіе. Мистраль упорно и свирѣпо дуетъ черезъ водяное пространство изъ Африки; вихремъ несется онъ, необузданность его равняется дикости тамошняго населенія. Порывы вѣтра такъ сильны, что едва устоишь на ногахъ; дома дрожатъ, крыши срываетъ, а море кипитъ, какъ въ котлѣ, осаждая мирный городъ пѣнящимися волнами.

Изъ Ниццы двинулись мы по живописной прелестнѣйшей дорогѣ «corniche», вьющейся по берегу моря и на каждомъ шагу открывающей очаровательные виды. Это положительно перлъ Ривьеры. Ѣхали мы на долгихъ, съ частыми остановками, до самаго Рима, съ такъ называемымъ «vetturino», ямщикомъ, по произволу, согласно съ усталостью своихъ коней, избирающимъ ночлеги и дневные отдыхи, но по условію обязаннымъ доставить насъ на мѣсто въ извѣстный срокъ. Въ городахъ мы проводили иногда сутки и болѣе, желая осмотрѣть достопримѣчательности. Тогда еще ходили слухи про разбойниковъ и подчасъ оправдывались. Два раза мы натерпѣлись порядочнаго страха. Спускаясь съ крутизны къ ручью, пересѣкающему дорогу, мы увидѣли толпу, стоявшую у подошвы спуска. Какіе-то рослые люди въ широкополыхъ шляпахъ, съ накинутыми на плечи плащами и съ остроконечными палками или баграми въ рукахъ. Ужасно! Нѣтъ сомнѣнія, что они нападутъ на насъ и оберутъ какъ липку! Кто знаетъ чужую совѣсть: быть можетъ, и нашъ возница съ ними за одно! Всѣ мы поблѣднѣли. Мать поспѣшно разрѣзала на имперіалѣ сукно и сунула туда все, что находилось на лицо золота и серебра. (За кредитныя, какъ именныя, она не боялась). Кузина засунула за щеку только что подаренные ей изящные часики; сестра прижимала къ сердцу первый свой браслетъ; я, обливаясь горькими слезами, держала въ объятіяхъ новую куклу, а няня, неистово крестясь, въ тоже время не похристіански проклинала заграничные порядки, пѣвучій языкъ Италіи находила собачьимъ, ставя въ противоположность всему этому безобразію мирное житье на родинѣ. Но когда мы подъѣхали къ толпѣ, наши опасенія разсѣялись. Въ гористыхъ мѣстахъ отъ сильныхъ дождей, нерѣдко безобидные, тихо журчащіе ручейки внезапно превращаются въ бурные потоки. За неимѣніемъ мостовъ ихъ приходится переѣзжать въ бродъ. При этомъ теченіемъ легко относитъ экипажъ и лошадей, и вотъ люди эти изъ близъ лежащихъ деревень, для заработка, помогаютъ переправѣ проѣзжихъ. Вознагражденіе за такой трудъ весьма скудное, но по ихъ бѣдности и лѣни все-таки годится. И такъ, воображаемые ора-діаволо оказались простыми поселянами и когда «bella ecellenza», моя мать, щедро имъ заплатила, они разсыпались въ восклицаніяхъ и благодарностяхъ. Все это говорилось скоро, сопровождалось нескончаемыми

движеніями рукъ и ногъ. Словохотливый, жизнерадостный народъ! Переходы въ настроеніи самые рѣзкіе послѣ сердечной рѣчи вдругъ слышатся ругательства, лицо мгновенно искажается. Нашъ поваръ готовился оборонять господъ и сталъ въ довольно воинственную позу, что при его тщедушной фигурѣ предъ рослыми, на картину просящимися Итальянцами, было крайне забавно.

Еще случай во время путешествія по Италіи, нагнавшій на насъ страху. Ночная остановка пришлась не то въ селѣ, не то въ мѣстечкѣ, скромномъ по виду, въ дикой мѣстности, не тамъ, куда мы направлялись. А остановиться здѣсь надо было, потому что перегонъ былъ слишкомъ великъ, усталыя лошади едва плелись. Отвели намъ помѣщеніе въ какой-то убогой пристройкѣ, прислоненной къ каменной, полуразвалившейся башнѣ. Большая пустая комната должна была служить намъ ночлегомъ. Окна крошечныя, запоровъ у дверей нѣтъ, таинственная нѣмая прислужница. Все это, вмѣстѣ взятое, служило къ нашему вящему недоумѣнію и смущенію. Пищи никакой, кромѣ галетокъ изъ овсяной муки и козьяго молока. О, это козье молоко! Какъ я его ненавидѣла, когда меня ни свѣтъ ни заря будили и полусонную поили имъ съ кофеемъ! Нагромоздивши у дверей все, что было потяжеле, взрослые почти не смыкали глазъ. Радостно привѣтствовали мы свѣтъ (безконечной казалась эта, столь тревожная ночь) и поблагодарили Бога, что все обошлось благополучно. Утромъ мать пыталась распрашивать у vetturrino, что это была за постройка. Онъ твердилъ «locanda», а прежде стоялъ здѣсь «castello», вѣроятно, замокъ феодальной эпохи, развалины котораго были еще довольно живописны.

Въ Римѣ мы провели торжественные праздники Пасхи. Многое меня, не смотря на мой дѣтскій возрастъ, приводило въ какое-то восторженное состояніе. Храмъ Св. Петра поразилъ меня своей грандіозностью, объемомъ, шириью, высью. Я какъ-то все это не объясняла себѣ, но чувствовала всѣмъ существомъ. Росла я между взрослыми и не погодамъ была чутка. Было многое, что дѣйствовало на меня смѣшливымъ образомъ: папская гвардія въ ея чисто-шутовскомъ костюмѣ, половина туловища красная, а другая синяя; неистовыя движенія на церковныхъ высокихъ каѳедрахъ проповѣдниковъ, облеченныхъ въ красное, съ крестомъ въ рукахъ, которымъ безцеремонно хлопали они по краямъ каѳедры въ патетическихъ мѣстахъ для произведенія вящаго впечатлѣнія. Я даже спросила у матери, почему въ храмъ допускаютъ актеровъ: такъ была убѣждена, что человѣкъ этотъ вовсе не духовное лицо. Оркестры военной музыки, въ церкви исполняющіе новѣйшія

пьесы, не исключая и танцевъ; дамы, входящія молиться съ собачками на рукахъ. Окончательно изумлена была я въ театрѣ маріонетокъ. Когда во время представленія раздался звонокъ для молитвы Ave Maria, на сценѣ куклы остановились въ самыхъ оригинальныхъ позахъ; зрители въ партерѣ и ложахъ упали на колѣни, набожно скрестивъ на груди руки.

Приготовленія наши къ Свѣтлому Христову Воскресенію удивляли не только прислугу гостинницы, но и живущихъ въ ней. Куличи, пасхи, окорока, красныя яица, все съ любопытствомъ осматривалось, обнюхивалось, обсуждалось. Это было апоѳеозомъ нашего старика Василія Остаповича. Его дружески трепали по плечу; были и такіе, что просили отвѣдать заморскихъ яствъ; но онъ неодобрительно и важно качалъ головой, движеніями лица и рукъ внушительно давая понять, что «прежде синьора». Собравшіеся весьма благодушно бесѣдовали другъ съ другомъ. Мать съ сестрой и кузиной присутствовали на торжественной мессѣ, съ трудомъ выхлопотавъ себѣ входные билеты чрезъ обязательное посредство какого-то монсиньора, должно быть, поклонника дамъ. Меня бѣдную не брали на ночную службу въ нашу посольскую церковь, не смотря на мои просьбы и слезы. Сестра и кузина разсказывали мнѣ о неблаговоспитанномъ поведеніи жены Американскаго посла. Надо сказать, что въ Римѣ необычайное количество блохъ; онѣ нападаютъ на васъ цѣлыми арміями, и вотъ посланница, не смотря на мѣсто и многолюдство, храбро съ ними воевала.

Тотъ же кардиналъ вызвался выхлопотать для матери пріемъ у папы. Онъ настоятельно убѣждалъ и хотѣлъ прислать свой экипажъ: но мать не согласилась ѣхать въ Ватиканъ, зная, что, удостоившись чести видѣть святого отца, въ знакъ благоговѣнія и смиренія припадаютъ къ его ногамъ, цѣлуя его туфлю, на которой, какъ говорятъ, изображеніе Пресвятой Дѣвы. Для православной это показалось слишкомъ. Красота вообще обаятельно дѣйствуетъ на этотъ народъ. Бывало въ Римѣ, гуляя по улицамъ, часто случалось слышать возгласы: «come ben belle», отъ прохожихъ, даже простолюдиновъ, оборачивавшихся и смотрѣвшихъ на мою мать и сестру. Въ Генуѣ, гдѣ мы были проѣздомъ, на страстной недѣлѣ, ходили по городу процессіи такъ называемыхъ «frères pénitents». Это была золотая молодежь, прожигающая жизнь съ масками на лицѣ, въ сѣрыхъ изъ грубой матеріи, въ родѣ власяницъ, одеждахъ, подпоясанные веревкой, въ сандаліяхъ на босу ногу. Шли они, точно костюмированные, рядами по улицамъ, перебирая четки и входя во всѣ церкви. Этимъ они искупали свои грѣхи. Но все-таки судъ

людской превышалъ судъ Божій: лицо было скрыто отъ взоровъ встрѣчающихся. Мы, въ качествѣ туристовъ, осматривали въ какой-то древней церкви архитектуру и живопись ея. Среди моря цвѣтовъ и бездны огней отъ лампадъ и свѣчей, покоилось на бѣломъ мраморномъ ложѣ тѣло Спасителя изъ воска, художественной работы. Поразительно живо лежалъ Онъ, съ окровавленными ранами на рукахъ, ногахъ и боку. Конечно такое зрѣлище не можетъ не производить сильнаго впечатлѣнія. Монахи вошли тоже и, подойдя близко къ намъ, перешептывались, смѣялись, заглядывали подъ шляпки сестеръ, а когда онѣ что-то заговорили по-русски другъ съ другомъ, принялись ихъ передразнивать. Мать это возмутило, и мы скоро ушли. Удивительно, какъ у католиковъ понятія перепутаны: благочестіе, доходящее до мистицизма, идетъ рядомъ съ шутовствомъ и глумленіемъ. Особенно замѣтно это въ Итальянцахъ, благодаря подвижности ихъ и воспріимчивости.

Второе путешествіе наше было при другихъ условіяхъ, хотя ѣхали мы опять-таки на царскомъ пароходѣ. (Яхтъ тогда еще и въ поминѣ не существовало). Отцу дано было высочайшее повелѣніе осмотрѣть нѣкоторыя крѣпости за границей и ознакомиться съ новѣйшими примѣненіями гальванопластики и минными работами. На этотъ разъ отецъ зимовалъ въ Парижѣ съ нами и со своей свитой, состоявшей изъ двухъ адьютантовъ (князя Багратіона, впослѣдствіи при герцогѣ Лейхтенбергскомъ, а еще позже - Тверского губернатора), барона Тизенгаузена, дальнѣйшая судьба котораго мнѣ неизвѣстна и секретаря Мюсара. Воздвигнутыя Людовикомъ Филиппомъ укрѣпленія Парижа давали поводъ Французамъ говорить, что они возведены не противъ непріятеля, а противъ жителей. Пошли у насъ въ квартирѣ разные визиты. Между прочимъ запоминаю появленіе Гизо, тогдашняго министра, романиста Бальзака, добродушнаго толстяка и великаго говоруна, познакомившагося съ отцомъ во время путешествія. Гизо казался очень сосредоточеннымъ человѣкомъ. Разсказывали тогда, что онъ и Тьеръ вырывали другъ у друга власть и, наружно будто въ весьма хорошихъ отношеніяхъ, всегда высказывали противоположныя мнѣнія, облеченныя въ краснорѣчивыя и вкрадчивыя рѣчи. Отецъ и мать, кромѣ приглашенія на балъ къ министру, были приглашены еще къ князю Тюфякину, бывшему нѣкогда у насъ начальникомъ императорскихъ театровъ. Покинувъ родину, какъ говорили, изъ любви къ Французской актрисѣ и по служебнымъ непріятностямъ, онъ поселился навсегда въ «столицѣ міра». По богатству, щедрости и гостепріимству онъ слылъ знатнымъ бояриномъ. Никакая нація не падка на дворянство и ордена, не поддается на громкіе титулы столько, какъ Французская. Нигдѣ

отъ прислуги не требуется такой подобострастной вѣжливости къ господамъ. Всякій ничтожный bourgeois и спитъ, и видитъ о какомъ нибудь знакѣ отличія, т. е. ленточкѣ въ петлицѣ. Сенъ-Жерменское предмѣстье свысока смотритъ на все остальное населеніе. Богатые банкиры и негоціанты предмѣстья С-Антуанъ лѣзутъ въ высшее общество изо всѣхъ силъ и презираютъ tiers-état. Мѣщанство, въ свою очередь, кичится передъ бѣднѣйшимъ людомъ. Въ этомъ отношеніи съ республиканской Франціей соперничаетъ демократическая Америка, стараясь выдавать своихъ дочекъ за обнищавшихъ Итальянскихъ principe и Англійскихъ лордовъ, падкихъ до золота. У насъ въ квартирѣ было тепло и уютно. Въ каминъ проведены были трубы желѣзныхъ калориферовъ, вставлены двойныя рамы въ окна. Часто собиралась у насъ Русская колонія, изъ которой выдѣлялись: Гречъ, Айвазовскій, Даргомыжскій. Они утверждали, что чувствуютъ себя у насъ, какъ на родинѣ и вопреки всѣмъ климатическимъ условіямъ согрѣваются только у насъ, воспрянувъ и тѣломъ и духомъ отъ Парижской суматохи, стрекотни и помѣщеній, лишенныхъ всякаго комфорта, лишь элегантно обставленныхъ. Гречъ казался мнѣ насупившимся старымъ ворчуномъ а, познакомившись впослѣдствіи съ его грамматикой и зубря ее, я еще меньше чувствовала къ нему симпатіи. Айвазовскій словно всегда находился въ какой-то нирванѣ, мысленно отсутствовалъ, витая въ сферахъ искусства. Доргомыжскій, хриповатый весельчакъ, всегда что-то мурлыкалъ. Сестра, много старше меня, усердно занималась музыкой подъ руководствомъ Шопена. Начала она свое музыкальное образованіе у Карла Майера, и сперва Шопенъ отказывался заняться съ столь юной ученицей, но мать упросила прослушать ее, и онъ согласился. Эту крупную музыкальную величину я видѣла, пріѣхавши разъ съ матерью за сестрой. Моему дѣтскому воображанію онъ представлялся какимъ-то привидѣніемъ; истощенный, донельзя худой и блѣдный, онъ, прислушиваясь къ игрѣ сестры, нервными отрывистыми шагами двигался взадъ и впередъ по комнатѣ. Я уже говорила, что наблюдательность моя была сильно развита, какъ у ребенка, постоянно вращавшагося въ обществѣ взрослыхъ. Полагаю, что на мнѣ отражались взгляды и мнѣнія старшихъ.

Отецъ уѣхалъ въ Англію, гдѣ ознакомился со всѣмъ, что̀ ему слѣдовало. Осмотрѣвъ доки и арсеналы Вульвича, онъ обѣдалъ у мѣстнаго начальника, лорда Блумфильда. Отецъ очень удивлялся патріархальнымъ нравамъ, царившимъ тогда въ Англійскихъ семьяхъ. Сынъ старика, посланникъ въ Петербургѣ, когда обращался отецъ къ нему съ рѣчью, отвѣчая ему, почтительно привставалъ. Но это

«сэръ» какъ-то непріятно звучитъ въ устахъ дѣтей относительно родителей. Холодомъ вѣетъ отъ него. Верхъ вѣжливости соблюдается въ семейномъ быту; но внѣ дома, на материкѣ особенно, Англичанинъ невыносимъ. Высокомѣріемъ никто его не превзойдетъ. Никого и ничего не существуетъ кромѣ его особы. Но скажу одно (справедливость отдать слѣдуетъ) вѣрнѣе и надежнѣе друзей нѣтъ.

Отцу не пришлось представиться королевѣ: она отсутствовала. За то его приглашали въ замки разныхъ вельможъ, вѣроятно изъ любопытства посмотрѣть на «Русскаго медвѣдя». Всѣмъ намъ давалась тогда такая кличка, хотя многіе иностранцы, пожалуй, съ честью могли бы ее себѣ присвоить. Отецъ приходилъ въ отчаяніе отъ обязательнаго костюма для обѣдовъ и пріемовъ: ему, какъ военному, претили чулки, башмаки, фракъ и бѣлый галстухъ.

Веселый Парижскій праздникъ Boeuf Gras, во Вторникъ первой недѣли поста, очень живъ въ моемъ воспоминаніи. Необыкновенное оживленіе по всему городу, пѣсни, смѣхъ, музыка и торжественное шествіе виновника праздника, самаго откормленнаго быка, едва двигающагося отъ чрезмѣрнаго жира, разукрашеннаго гирляндами розъ и сопутствуемаго всадниками и громадной колесницей, въ которой важно засѣдали богини и боги Олимпа—цехъ прачекъ и мясниковъ столицы. На другой день развѣшаны были при тушахъ объявленія: племянникъ, братъ, дядя, отецъ «отца Горіо» (названіе, данное въ честь повѣсти Бальзака чудовищному по размѣрамъ быку). На площади Карусель, предъ Тьюлерійскимъ дворцомъ, отецъ взялъ меня на руки, и я увидѣла на балконѣ всю королевскую семью. Людовикъ-Филиппъ доживалъ послѣдніе дни монархіи. Какъ теперь я вижу его грушеобразное Бурбонское лицо и хорошенькихъ его внуковъ, графа Парижскаго и герцога Шартрскаго. Король привѣтливо раскланивался направо и налѣво, а толпа дружелюбно шумѣла. Не прошло и года, какъ онъ былъ низвергнутъ и, боясь народной расправы, боясь подвергнуться участи Людовика XVI, поспѣшно покинулъ Францію. Теперь же и отъ Тьюлерійскаго дворца остался одинъ пепелъ, да и тотъ давно развѣянъ вѣтромъ.

Матери моей пришло въ голову для усовершенствованія Французскаго языка сестры отдать ее на годъ въ одинъ изъ монастырей, гдѣ воспитывались барышни аристократическихъ семей, въ «sacré coeur» или «couvent des oiseaux». Отговорила ее прелестная маркиза Гіонъ, представительница стариннаго рода, прежней благовоспитанности и

ваяшества Француженокъ, воспитавшаяся въ пансіонѣ извѣстной въ то время м—ъ Кампанъ. Умная маркиза плѣняла своимъ любезнымъ обращеніемъ и смѣло могла быть по своему слогу соперницей прославившейся Севиньи. Она очень сошлась съ матерью, и вотъ какіе доводы приводила она противъ ея намѣренія. Во-первыхъ, она утверждала, что монахини не пожалѣютъ никакихъ ухищреній, чтобы обратить схизматичку въ католическую вѣру. Во-вторыхъ, положеніе сестры не будетъ изъ самыхъ пріятныхъ въ такой средѣ, гдѣ много суевѣровъ и въ тѣ часы, когда три раза въ день всѣ отправляются къ службамъ, а также въ часы уроковъ Закона Божьяго, что она будетъ дѣлать? Хотя мать не боялась за сестру относительно вѣры, но она признала, что маркиза была права и отбросила эту мысль. Къ сестрѣ наняли какого-то профессора, а для меня довольствовались одной пожилой болтушкой, съ которой мы прекрасно ладили. Въ Тьюлерійскомъ саду я ежедневно бѣгала и дружила съ цѣлымъ роемъ маленькихъ, живыхъ Француженокъ, которыя сперва, выпяливъ и безъ того большіе глазенки, съ удивленіемъ смотрѣли на Русскую дѣвочку, но, привыкнувъ, считали меня въ числѣ своихъ. У меня было двѣ косы свѣтло-пепельнаго цвѣта и, по совѣту парикмахера, мать тщательно прятала ихъ подъ пальто: онъ угрожалъ, что такъ какъ цвѣтъ этотъ у нихъ рѣдкость, то ихъ въ толпѣ мнѣ ловко отрѣжутъ. Моя преподавательница не была сильна даже въ первоначальныхъ познаніяхъ, но за то она у насъ согрѣвалась, повторяя: «oh, la bonne châleur!» и наѣдалась всласть. Пѣсенъ она знала безконечное число и готова была ихъ пѣть цѣлый день безъ умолку.

Отецъ уѣхалъ назадъ въ Россію. Мы съ матерью, пропутешествовавъ по Рейну, отправились въ Гейдельбергъ, гдѣ мать предприняла виноградное леченіе, а мы занимались. Къ сестрѣ ходили университетскіе учителя, уроками которыхъ и я позже пользовалась. Нѣкоторые изъ этихъ ученыхъ были чрезвычайно симпатичны и просты въ обращеніи: ни важности, ни натянутости они на себя не напускали. Фамиліи ихъ я позабыла, но память о нихъ самая хорошая осталась. Добросовѣстность ихъ удивительна: минутой раньше уговореннаго часа они не уйдутъ. Между прочимъ мать наняла учителя музыки; услышавъ игру сестры, онъ заявилъ, что ему учить ее не приходится: такъ у ней хороша техника и выразительна игра. Условились играть въ четыре руки, чтобы хорошо, бойко читать ноты. Жили мы на противоположномъ берегу Неккара. Какъ сквозь сонъ видятся мнѣ развалины замка съ славившейся въ нихъ или возлѣ нихъ колоссальной пивной бочкой.

По возвращеніи нашемъ въ Россію, великій князь Михаилъ Павловичъ, какъ командующій гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами, пожелалъ имѣть отца начальникомъ штаба. Государь неохотно согласился на это переименованіе. Инженерную часть онъ очень любилъ и дѣятельность отца признавалъ полезной. Согласился онъ только въ угоду брату, съ которымъ онъ жилъ душа въ душу. По смерти великаго князя, вскорѣ послѣдовавшей, его мѣсто занялъ Наслѣдникъ. Отецъ мой занималъ должность начальника штаба 12-ть лѣтъ. Молодой главнокомандующій былъ неопытенъ, мало знакомъ съ дѣломъ; все лежало на отцѣ. По какому-то случаю было многолюдное представленіе. Обходя присутствующихъ, Государь милостиво протянулъ руку моему отцу и сказалъ: «Витовтовъ! Зная вѣрную твою службу, поручаю тебѣ помогать Наслѣднику, надѣюсь, что и впредъ ты будешь также исполнять свой долгъ». Отецъ вернулся домой растроганный лестными словами Государя, и вся семья ликовала вмѣстѣ съ нимъ. За то и поработалъ же онъ усердно, не жалѣя ни трудовъ, ни здоровья, стараясь удалить съ пути Его Высочества всякія непріятности и безпорядки, каждую ничтожную проруху на смотрахъ и маневрахъ принимая къ сердцу.

Во Франціи зозникла вторая республика. Теперешніе наши друзья тогда относились къ намъ насмѣшливо и недружелюбно; называли насъ не иначе, какъ: «mangeurs de chandelles». Составилось такое прозвище еще въ 1814-мъ году, въ пребываніе нашей арміи въ пресловутомъ Парижѣ, благодаря солдатикамъ-любителямъ Малороссійскаго сала, истреблявшимъ его охотно, что̀ казалось Французамъ чудовищнымъ. Надъ самовластнымъ, по ихъ мнѣнію, деспотомъ императоромъ Николаемъ они позволяли себѣ выпускать разныя карикатуры и статьи; даже въ циркѣ шла пьеса, весьма позорная для Россіи. Узнавъ о ней, Государь черезъ министра иностранныхъ дѣлъ повелѣлъ передать Французскому правительству, что онъ пришлетъ 100,000 казаковъ ей апплодировать, и піеса немедленно была снята со сцены.

Сестра моя была сдѣлана фрейлиной при великой княжнѣ Маріи Михайловнѣ. Мать моя на поступленіе сестры во фрейлины согласилась только съ тѣмъ условіемъ, что жить она будетъ подъ родительскимъ кровомъ, а на дежурства и торжества будетъ ѣздить во дворецъ. Статсъ-дама Апраксина, которой дано было мѣткое имя «fée Carabosse» (злой волшебницы) изъ какой-то сказки, дѣйствительно олицетворяла собою этотъ типъ. Выше этикета у нея въ жизни ничего не было. Великія княжны и тѣ боялись ея пуще огня. Недолго, впрочемъ, пришлось служить сестрѣ при маломъ дворѣ: в. к. Марія Михаиловна умерла.

Сестрѣ данъ былъ шифръ, и она перешла къ большому двору, фрейлиной императрицы Александры Ѳеодоровны. Но великая княгиня Елена Павловна всегда благосклонно относилась къ сестрѣ и вообще къ нашей семьѣ. Часто приглашала она сестру съ собою кататься, заставляла ее заниматься своей корреспонденціей и, съ разрѣшенія Государыни испросивъ согласіе матери, перевела ее на лѣто къ себѣ, въ Павловскъ. Но сестра была тамъ недолго. Не смотря на красивый дворецъ и роскошный паркъ, мѣсто было очень сырое, и сестрѣ стало нездоровиться. Мать испугалась и увезла сестру въ Царское, гдѣ мы жили и гдѣ воздухъ и почва сухіе и здоровые.

По переѣздѣ въ гвардейскій штабъ у насъ часто бывали музыкальные вечера; участвовали въ нихъ знаменитости еще въ зародышѣ. Игралъ на роялѣ Рубинштейнъ, на скрипкѣ Венявскій, извѣстная тогда въ Петербургѣ по голосу и передачѣ романсовъ Варламова и Даргомыжскаго г-жа Шиловская. Даргомыжскій былъ изъ постоянныхъ посѣтителей, постоянно акомпанировалъ г-жѣ Шиловской. Появился и какъ-то скрылся, какъ метеоръ, подававшій большія надежды, скрипачъ Аѳанасьевъ. Какъ слышно было, онъ занялъ мѣсто второй скрипки въ оркестрѣ Итальянской оперы. Сестра, восторженная поклонница Гризи, передъ ея бенефисомъ написала ей такое милое и любезное письмо, прося билета, что пѣвица, въ отвѣтъ, сама явилась съ намъ. Я смотрѣла на все въ дверную щелку: мнѣ еще возбранялось присутствовать во время пріемовъ въ гостиной. Она была удивительно хороша, хотя скажу, что наружность и манеры ея нѣсколько отзывались вульгарностью плебейки, чѣмъ она и была. Нотъ она совсѣмъ не знала, пѣла всѣ свои партіи какъ птица, съ голоса, по памяти, благодаря удивительно развитому, музыкальному слуху; но такой Нормы, по отзывамъ знатоковъ, никогда не было и не будетъ. Позже я была лично знакома съ соловьемъ Патти. Удивительно, насколько эти прогремѣвшія съ одного края земного шара до другого примадонны были односторонни и убоги въ умственномъ отношеніи! Ихъ всецѣло поглощало ихъ искусство, да кромѣ того жажда овацій и подношеній.

Петербургское общество было потрясено крупной растратой инвалиднаго капитала. Вѣроятно теперь, когда всякіе крахи и кражи такъ часто повторяются, впечатлѣніе было бы менѣе тягостно. Грабителемъ казенной собственности оказался казначей, вездѣ принятый, гостепріимный, въ высшей степени щедрый, всѣми величаемый Монте-Кристо, Политковскій. У всѣхъ глаза были будто завязаны, и въ голову никому не приходило, изъ какого неприкосновеннаго источника берутся

эти средства, тѣмъ болѣе, что членами комитета для провѣрки суммъ состояли заслуженные старики, генералъ-адъютанты. Съ полнымъ довѣріемъ, не желая обидѣть Политковскаго, они перваго числа каждаго мѣсяца довѣрчиво скрѣпляли все своей подписью. Пострадали и наказаны были они за свое халатное отношеніе къ дѣлу. Ихъ было пять или шесть. Ѣздила я съ матерью къ двумъ изъ нихъ. Навѣстили мы графа Граббе, извѣстнаго своею храбростью (онъ меня любилъ, потому мать и взяла меня съ собою) и адмирала Колзакова, бывшаго въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ нашей семьей. Удручающе дѣйствовало присутствіе вооруженнаго солдата при входѣ въ квартиру. Стоически переносили они налетѣвшую справедливую немилость, преклоняясь предъ монаршей волей, но все-таки замѣчалась угнетенность. Впрочемъ, вскорѣ они были оправданы судомъ, который вмѣнилъ имъ арестъ въ наказаніе за небрежное отношеніе къ своимъ обязанностямъ и довѣріе къ мошеннику, обморочившему ихъ. Не знаю, было ли что внесено въ формуляръ; говорили да и нѣтъ.

Исторія заговора Петрашевскаго также служила предметомъ для противорѣчивыхъ разговоровъ и надѣлала много шума. Кружекъ былъ пойманъ и посаженъ въ крѣпость. Кого обвинили, а кого и простили.

Когда императоръ Николай прощался съ молодымъ Австрійскимъ императоромъ, тогда весьма юнымъ, маленькаго роста, онъ, какъ много старше, приподнялъ его за локти и поцѣловалъ добросердечно. Габсбургская гордость не перенесла этого.

Въ Варшавѣ на балахъ, Царь, видя много молодежи, рослой, красивой и болтающейся безъ дѣла то дома, то за границей, выразилъ желаніе (что̀ равнялось приказанію), чтобы эти юноши явились въ рядахъ его гвардіи. Бабушки, маменьки, тетеньки привезли, конечно, съ неудовольствіемъ своихъ баловней. Вздохамъ и слезамъ не было конца, словно ихъ вели на плаху. Къ моей матери, какъ женѣ начальника штаба, распредѣляющаго ихъ по полкамъ, явились графини Млодецкія, Потоцкія, Тышкевичъ и другія, упрашивая ее подѣйствовать на мужа при опредѣленіи. Онѣ желали, чтобы тѣ попали въ тотъ или иной полкъ, сообразно съ ихъ знакомствами или по какимъ нибудь другимъ причинамъ. Одна изъ нихъ ссылалась на то, что воспитывалась съ матерью въ одномъ институтѣ, почему она, какъ бывшая товарка, обязательно должна оказать ей протекцію и воздѣйствовать на отца. Мать скромно отвѣчала, что, не смотря на желаніе помочь имъ, она никогда не вмѣшивается въ служебныя дѣла и что мужъ ея даже не допустилъ бы этого. Насилу отдѣлалась она отъ назойливыхъ

и льстивыхъ, когда это нужно, Полекъ. Тогда женщины еще признавали авторитетъ главы семейства, не отстаивали равноправность.

Императоръ Николай дѣйствительно царилъ между коронованными особами и наружностью, и благородствомъ. Очень обрисовываетъ его поступокъ съ Австрійскимъ фельдмаршаломъ, поступившимъ несправедливо съ нашими войсками во время похода. Призвавъ его въ свой кабинетъ, онъ началъ громко высказывать ему свое неудовольствіе, и Австріецъ пятился къ двери, притворяя ее, чтобы не услышали, какъ царь его распекаетъ. Тогда Государь соскочилъ съ мѣста, настежъ распахнулъ двери и закричалъ: «Когда Русскій Императоръ дѣлаетъ кому либо замѣчаніе, весь свѣтъ можетъ слышать его». Конечно онъ пріобрѣлъ себѣ въ немъ непримиримаго врага, но можно ли было давать своихъ въ обиду?»

Лѣтомъ мы кочевали: жили въ Петергофѣ, въ такъ называемыхъ «кавалерскихъ домахъ» и въ Царскомъ въ Китайской по прозвищу деревнѣ, находящейся въ паркѣ. Лагерное время мы большею частью проводили въ Красномъ Селѣ. Величественна бывала заря съ церемоніей, въ присутствіи всей царской фамиліи. При торжественныхъ звукахъ всѣхъ военныхъ оркестровъ исполнялось «Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ». При чтеніи дежурнымъ фельдфебелемъ «Отче нашъ» всѣ головы обнажались, благоговѣйно внимала масса военныхъ, начиная съ рядовыхъ, блестящаго офицерства, до убѣленнаго сѣдинами почтеннаго генералитета. Еще грандіозенъ былъ видъ изъ царской палатки на поле, гдѣ происходилъ финальный смотръ. Пѣхота проходила тѣсными рядами, кавалерія неслась то рысью, то маршъ - маршемъ. Пестрѣли на солнцѣ цвѣта мундировъ, блестѣли каски и штыки, громыхали орудія артиллеріи, раздавалось гулко и повторялось эхомъ ура, какое-то радостное и неумолкающее. Отецъ возилъ насъ на джигитовку горцевъ, ловкостью которыхъ мы изумлялись.

Очень дружна была сестра съ дочерьми графа Сумарокова, и я подросткомъ вертѣлась между ними. Гуляя вечеромъ по пустыннымъ улицамъ или, вѣрнѣе, улицѣ Краснаго Села, когда все, утомленное дневными занятіями военное населеніе мирно спало, мы весело смѣялись, болтали; на насъ находилъ какой-то шаловливый стихъ, и мы придумывали всякія штуки; къ сожалѣнію (всѣ хотя онѣ были и самого невиннаго свойства) нельзя было приводить въ исполненіе: досталось бы отъ старшихъ.

Въ Царскомъ Селѣ было истинное раздолье гулять. Съ утра, взявъ съ собой легкую закуску и книгъ, мы отправлялись съ гувернанткой въ паркъ и оставались тамъ чуть не до обѣда. Располагались мы гдѣ нибудь подъ тѣнью деревьевъ, но все портило (хотя я и не была лѣнива) въ такой прелестной обстановкѣ, въ такомъ воздухѣ, зубреніе всякихъ наукъ. Такъ и хотѣлось закричать: «довольно! на это—зима съ хмурыми Петербургскими днями, съ необходимымъ подчасъ, благодаря ненастью, затворничествомъ въ четырехъ стѣнахъ. Но голосъ мой былъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, ученіе шло своимъ чередомъ, только нѣсколько сокращеннѣе зимнаго. Какъ красивъ былъ павильонъ въ деревенскомъ вкусѣ, на берегу пруда, гдѣ плавали, гордо скользя по водѣ, черные лебеди. Построенъ былъ этотъ павильонъ въ память такъ рано скошенной смертью великой княжны Александры Николаевны. Она часто дѣвочкой сидѣла тутъ, кормя своихъ любимцевъ. Это мѣсто навѣвало какую-то меланхолію, особенно если взглянуть на портретъ великой княжны, висѣвшій внутри павильона. Удачна бронзовая статуя молодой дѣвушки, сидящей на большомъ камнѣ съ разбитымъ кувшиномъ, изъ котораго струится свѣтлая какъ хрусталь вода. Какъ часто припадала я жадными устами къ прозрачной, освѣжающей струѣ! Тревожно разгуливалъ тогда еще на зеленомъ лугу, обнесенномъ изгородью, бѣлый, какъ лунь, историческій конь, на которомъ императоръ Александръ I побѣдоносно въѣзжалъ въ столицу міра.

Императоръ Николай I иногда присутствовалъ на небольшихъ вечерахъ въ Зимнемъ и Михайловскомъ дворцахъ и любилъ играть въ лото. Ставкой была трехрублевая бумажка, и сестрѣ посчастливилось выиграть такую ассигнацію изъ собственнаго кошелька Государя. Вѣроятно она хранится въ семьѣ, какъ святыня. Послѣ выхода замужъ за ротмистра кавалергардскаго полка В. М. Родзянко, она недолго жила въ Петербургѣ. Мужъ ея взялъ безсрочный отпускъ, и они поселились съ дѣтьми въ его Малороссійскомъ имѣніи. Мать моего зятя, уважаемая старушка, рожденная Квашнина-Самарина, была фрейлиной в. к. Анны Павловны. Эту свою тетушку в. к. Николай и Михаилъ Николаевичи сильно не долюбливали за ея чопорность, называя ее «тетушкой на пружинахъ». Е. В. Родзянко многіе годы была начальницей Екатерининскаго Института. Всѣ, кто только ее зналъ, любили и чтили ее за удивительную деликатность и отзывчивость. При старости лѣтъ она была еще миловидна и гибка; недаромъ ей поручено было обучать пріѣхавшую невѣстой, будущую Императрицу, Александру Ѳеодоровну поклонамъ и реверансамъ на пріемахъ и церемоніяхъ, что̀ при длинномъ шлейфѣ задача нелегкая; но всѣ современники единогласно го-

ворятъ, что рѣдко кто обладалъ граціей во всѣхъ движеніяхъ и такимъ достоинствомъ въ манерахъ, какими отличалась тогдашняя царица. Коронаціонныя торжества описывать считаю излишнимъ.

Въ Сувалкахъ сердце сжималось, глядя на бѣдноту края. Дѣти бродили по улицамъ, какъ бездомныя собаки, спали, приткнувшись, на ступенькахъ подъѣздовъ, ютясь подъ воротами, едва прикрытые убогими лохмотьями, а зима была не изъ «сиротскихъ» И никому не было дѣла до нихъ! Мать торопилась, собравъ небольшую сумму пожертвованій, устроить для нихъ ночлегъ; нанята была стряпуха, которая два раза въ день кормила ихъ похлебкой и хлѣбомъ. Сама мать и довѣренныя лица ходили за ней наблюдать. Снабжены дѣти были и одеждой, хотя тоже не изъ особенно согрѣвающей, но все же лучшей того тряпья, которое съ нихъ сняли. Въ этомъ добромъ дѣлѣ участвовалъ военный персоналъ, да нѣкоторые Евреи-купцы, такъ какъ между призрѣваемыми были и ихъ единоплеменники. Съ мѣстными сосѣдними панами родители мои ладили. При отъѣздѣ нашемъ въ синагогѣ отслуженъ былъ, по Еврейскому обряду, молебенъ за папа генералова и его семью. Въ Сувалкахъ мать накупила много хорошенькихъ вещицъ и матерій; все это была контрабанда. Таможенная стража имѣла постоянныя, чуть не ежедневныя, стычки съ Евреями, которые въ высшей степени трусливы; но, когда дѣло шло о наживѣ или утратѣ нажитого, они становились отважными. Помѣщики въ окружности были не изъ состоятельныхъ; извѣстно, что шляхта выше магнатовъ держитъ голову, и гоноръ ея бѣда затронуть. Но для общества Поляки незамѣнимы: находчивы, веселы, утонченно вѣжливы. Они имѣютъ въ этомъ отношеніи сходство съ Французами, но вѣжливость ихъ даже приторна: въ ней кроется и чувствуется какая-то неискренность. Тогда еще не были приняты рѣшительныя мѣры для обрусѣнія Польши; она не умѣла пользоваться въ предѣлахъ, ей данныхъ, своими прерогативами. Намѣстникъ князь Горчаковъ былъ извѣстенъ своею разсѣянностью: снявъ фуражку, онъ влетѣлъ къ намъ въ гостинную въ шинели и калошахъ; просидѣвъ нѣкоторое время вдругъ замѣтилъ свою оплошность и, сконфузившись, сталъ разсыпаться въ извиненіяхъ.

Въ Москвѣ мы заняли прекрасный домъ на Садовой, отведенный городомъ отцу. Мелькали всѣхъ цвѣтовъ и покроевъ мундиры и головные уборы. Европейцы, Американцы, Азіаты, все это въ перемежку толпились во дворцѣ. Державы нашей части свѣта соперничали блескомъ, но всѣхъ перещеголяли послы Австрійскій и Французскій, графъ Морни, пріемы котораго отличались оживленіемъ и блескомъ. Наружность его

не была привлекательна: пожилой, съ лысиной, съ красноватымъ носомъ и выраженіемъ фальши на обрюзгломъ лицѣ. Влюбился онъ и вскорѣ женился на Русской красоткѣ, княжнѣ Трубецкой, только что вышедшей изъ Екатерининскаго Института. Восхищалась я ея очаровательнымъ, точно изъ кости выточенымъ личикомъ, черными глазами и пепельнаго цвѣта волосами; но, не смотря на всю свою красоту, она производила на меня непріятное впечатлѣніе маски Медузы. Что-то недоброе свѣтилось въ ея прелестномъ, леденящемъ взглядѣ и пробѣгало въ улыбкѣ ея тонко очерченныхъ губъ. Циникъ, сладострастный графъ едва ли осчастливилъ ея выборомъ; развѣ положеніе его удовлетворяло ея самолюбію. Неутѣшной вдовой она оставалась недолго и вскорѣ послѣ смерти его обвѣнчалась съ Испанскимъ грандомъ. Отечество свое она не признавала; да и мать ея проживала въ болѣе, чѣмъ когда либо развращенной столицѣ міра. Въ числѣ другихъ нашихъ соотечественницъ она подвизалась на Аѳинскихъ вечерахъ Второй Имперіи. За это царствованіе роскошь и безнравственность доведены были до крайности, правителями государства были авантюристы и искательницы приключеній. Легкомысленныхъ, лакомыхъ на удовольствія Французовъ забавляли на всѣ лады и этимъ туманомъ застилали имъ глаза. Страшную эпоху переживала Европа, небывалую въ лѣтописяхъ исторіи, признавая такую чету и приравнивая къ другимъ государямъ. Въ царствованіе Наполеона III все было основано на ловкости, великолѣпно организованной тайной полиціи и непрерываемомъ рядѣ зрѣлищъ, парадовъ и эффектности всего наружнаго. Въ вѣчной лихорадкѣ удовольствій, смотровъ изнѣженнаго войска, пріемовъ иностранныхъ гостей, бойкой торговли и приливѣ пріѣзжавшихъ со всего свѣта посмотрѣть на все это волшебство и веселіе, дни за днями проходили незамѣтно, и Французы вышли изъ этого заколдованнаго круга только когда загремѣли орудія Седана. Монархія рухнула, и блестящій сонъ замѣненъ непроглядной дѣйствительностью. Деморализація оказалась весьма печальной, Пруссаки побѣдоносно наступали и отхватили у Франціи Эльзасъ и Лотарингію. Поговорили о «revanche», хвастливо увѣряя, что Парижъ капитулировалъ, не допуская слова «prise» и на томъ успокоились. Хотя и проклинаютъ Бисмарка, но я все-таки преклоняюсь предъ его умомъ и волею.

По окончаніи Крымской кампаніи отецъ, пораженный смертью моей матери, скончавшейся скоротечной холерою, сталъ еще болѣе страдать ногами; боли были настолько мучительны, что онъ съ трудомъ подавлялъ крики. Государь предложилъ ему для перемѣны климата командованіе 4-мъ армейскимъ корпусомъ, расположеннымъ въ Воронежской и

сосѣднихъ губерніяхъ. Корпусъ этотъ былъ одинъ изъ самыхъ боевыхъ, съ участниками осады Севастополя. Изъ строевыхъ офицеровъ пѣхоты врядъ ли бы нашелся одинъ не раненый, а у иныхъ было по нѣскольку ранъ. Нѣкоторые страдали приступами меланхоліи, другіе острыми болями при наступленіи непогоды, особенно контуженные въ голову. Храбрый и добрѣйшій баронъ Дельвигъ былъ начальникомъ штаба при отцѣ. На зиму къ намъ пріѣхала изъ Екатеринославской губ. сестра съ дѣтьми погостить и похозяйничать, такъ какъ я была слишкомъ молода и неопытна для такой роли.

Вѣроятно потеря матери, первое мое горе, поколебало меня: я стала хворать, и недомоганіе разразилось горячкой, съ полнѣйшимъ упадкомъ силъ. Мы поѣхали съ отцомъ въ чужіе края на воды, въ сопровожденіи приставленной ко мнѣ старой преданной дѣвы, давно намъ знакомой, но нрава невыносимаго. Она заставляла прибѣгать, въ обращеніи съ нею къ уловкамъ, дабы не возбудить слезъ и ревности, а ревновала она меня даже къ моей собачкѣ, левреткѣ. Отецъ лѣчился въ Ахенѣ, гдѣ около источниковъ воздухъ былъ ужасенъ, пропитанный испареніями сѣры. Я поселилась съ моей дуэньей въ Спа, гдѣ желѣзные источники. Это мѣстечко очень хорошенькое, безъ особыхъ притязаній на городскую стройность. Домá въ садахъ; много стремительныхъ, весело жужжащихъ ручейковъ; поэтическія прогулки подъ сводами ярко зеленыхъ разнородныхъ деревьевъ. Листва и луга Бельгіи какого-то изумруднаго оттѣнка; говорятъ, съ ними соперничаетъ только Англійская зелень. Изъ любопытства мы посѣтили салоны, гдѣ толпилось ради рулетки самое разнокалиберное общество. Жутко было смотрѣть на искаженныя алчностью лица присутствующихъ.

Лѣчившій меня старичокъ-докторъ относился ко мнѣ какъ нельзя лучше. Я провела много отрадныхъ минутъ въ обществѣ его и его столь же милой жены. Хотя оба были Англичане, въ нихъ не было и тѣни натянутости и равнодушія. Оба роста небольшого, сѣденькіе, розовенькіе, бѣленькіе они могли сойти за Филемона и Бавкиду. Всегда привѣтливые, въ хорошемъ расположеніи духа, они принимали меня у себя въ саду, которымъ съ любовью сами занимались и который казался мнѣ просто раемъ. Особенно красовались въ немъ пышные кусты золотисто-желтыхъ розъ, всевозможныхъ тѣней. Садъ былъ ихъ гордостью и дѣтищемъ; мнѣ сдается, что похвалы саду были имъ настолько же пріятны, насколько пріятно бываетъ родителямъ, когда одобрительно отзываются о дѣтяхъ ихъ. Часто заглядывая къ нимъ, я познакомилась съ красавцемъ Англичаниномъ, младшимъ сыномъ какого-то лорда. По неимѣнію средствъ, проживалъ онъ на континентѣ, подобно

многимъ другимъ отпрыскамъ семей въ Англіи, гдѣ все состояніе передается старшему въ родѣ (большая несправедливость, какъ признаёмъ мы, но съ которой воспитанные въ этомъ духѣ и считающіе ее неизбѣжною легко мирятся). Эти обездоленные проводятъ лѣто въ курортахъ, а зимой ютятся въ недорогихъ и мало населенныхъ городахъ Франціи, Германіи и Италіи. Разъ утромъ онъ явился къ намъ, умоляя вечеромъ придти въ казино. Моя вѣрная компаньонка воспротивилась этому, да и я была съ ней согласна; но онъ такъ убѣдительно уговаривалъ, что мы сдались. Нашъ знакомый небрежно стоялъ у самаго стола, хладнокровно и неподвижно взирая на окружавшее его волненіе. При видѣ насъ онъ опустился въ кресло, будто намѣреваясь принять участіе въ игрѣ. Мы недоумѣвали, что̀ будетъ дальше. Черезъ минуту не болѣе поднялся невообразимый гвалтъ. Дамы визжали, стулья падали, многіе повыскакивали изъ за стола; croupiers *) недоумѣвали, безмолвно вытаращивъ глаза. И что же оказалось? По зеленому столу, ища спасенія, мечется мышенокъ. Поуспокоившись стали его преслѣдовать со всѣхъ сторонъ, но какъ за нимъ ни гонялись съ палками, онъ таки ухитрился найти лазейку, отчаяннымъ скачкомъ очутился на полу и былъ таковъ. Не скоро все пришло въ порядокъ, но не досчитывались денегъ, ловко похищенныхъ въ пылу суматохи. Нѣтъ словъ, что сцена вышла до крайности комичной; не смѣялись только потерпѣвшіе. Англичанинъ, какъ ни въ чемъ не бывало, медленной, автоматической походкой пошелъ къ выходу и скрылся. Прождавъ немного, и мы вышли въ садъ, гдѣ онъ насъ поджидалъ, важно разгуливая. Подошедши къ намъ, онъ съ торжествующимъ смѣхомъ спросилъ, удачна ли была шутка. Я разсердилась и серіозно спросила его: пріятна ли была такая продѣлка тѣмъ, которые, быть можетъ, лишились всѣхъ своихъ денегъ.—«Что же? невозмутимо возразилъ онъ, немного вышли изъ однообразной колеи и только, а меня очень мучилъ возившійся въ моемъ рукавѣ звѣрокъ». Эгоизмъ цѣлой націи высказался въ этихъ словахъ, и меня это возмутило. «Не хотите ли вы, обратилась я къ нему, подражать Спартанскому мальчику, который, чтобы испытать свое мужество, спряталъ у себя на груди лисицу, которая безпощадно грызла его. И вы собою жертвовали для общественнаго удовольствія?» Моя насмѣшка видимо не пришлась ему по вкусу, онъ вскорѣ распрощался съ нами. Моя компаніонка замѣтила мнѣ, что я была слишкомъ рѣзка, но я осталась очень довольна собой.

Еще доказательство Англійской безсердечности. По сосѣдству находится пещера и небольшой водопадъ, которые служатъ цѣлью для

*) Лица слѣдящія за игрой, отбирающія и отдающія ставки.

прогулокъ. Эта пещера не представляетъ собою ничего особеннаго. Внутри течетъ ручей; идешь по узкой тропѣ-каменистой и скользкой, близъ возвышающейся сводомъ скалы. Мы шествовали гуськомъ въ бѣлыхъ балахонахъ, съ факелами. Картина была таинственная, призрачная. Сталактитовъ оказалось мало, рѣдко отражался въ нихъ огонь. Около водопада стояло пять-шесть отвратительныхъ старухъ съ собачками. Онѣ точь-въ-точь похожи на вѣдьмъ Шекспировской трагедіи. За ничтожное вознагражденіе онѣ бросали животное въ водопадъ, и оно, кувыркаясь и борясь съ теченіемъ воды, выплывало на берегъ. Англичанинъ предложилъ одной изъ этихъ фурій бросить пятилѣтняго ребенка, суля 1000 франковъ. Она согласилась, но за то общество выгнало ее изъ своей среды. Ребенокъ живъ, но припадочный... Какое звѣрство!

Окончивъ обязательный курсъ леченія, я чувствовала себя вполнѣ хорошо, и мы отправились къ отцу въ Ахенъ. И ему, видно, воды принесли желанную пользу. Видѣлся онъ съ своими товарищами ген.-адъютантами графомъ Баранцевымъ и кн. Святополкъ-Мирскимъ. При немъ состоялъ его адъютантъ князь Енгалычевъ, преданный ему, услужливый, прекрасный человѣкъ. Іюля 22-го, въ день имянинъ императрицы Маріи Александровны, вздумалось отцу устроить праздникъ. Балконъ нашей квартиры, выходящей на улицу, иллюминовали; передъ нимъ игралъ оркестръ. Гремѣлъ онъ до полуночи, и толпы Нѣмцевъ разгуливали передъ домомъ. Они падки на музыку, какъ мухи на медъ. Страстные меломаны, они въ каждомъ ничтожномъ городишкѣ или мѣстечкѣ имѣютъ «Verei'ны пѣвчихъ. По окончаніи дѣлового, рабочаго дня раздаются стройно исполненные «Lieder». Когда усердный камердинеръ отца обносилъ и угощалъ музыкантовъ пивомъ, и изъ публики кое-кто выпрашивалъ себѣ стаканчикъ; подвыпивъ, во все горло орали «hoch».

Ахенъ, одинъ изъ старѣйшихъ городовъ Германіи, нѣкогда былъ возвеличенъ пребываніемъ Карла Великаго. Доселѣ, кажется, въ соборѣ показываютъ его каменный тронъ. Для такихъ богатырей и требовались такія прочныя сѣдалища. Улицы тѣсныя, постройки во многихъ кварталахъ напоминаютъ средневѣковую архитектуру; онѣ не рѣдко встрѣчаются по всей странѣ. Улицы настолько узки, что двумъ экипажамъ не разъѣхаться, а проживающіе въ нихъ могутъ, какъ увѣряютъ, пожать руку своихъ vis-à-vis. Процессій безъ конца; населеніе преимущественно католическое, и врядъ ли у нихъ меньше праздниковъ, чѣмъ у насъ.

Изъ Ахена мы двинулись въ Парижъ для такъ называемой «Nachkur» [1]), отдыха и развлеченія, и пробыли тамъ недѣли двѣ. Отецъ почти не выѣзжалъ, предоставивъ мнѣ подъ охраной компаніонки и кн. Енгалычева колесить по всему городу и осматривать что̀ захочу. Я ежедневно каталась въ Булонскомъ лѣсу, любуясь экипажами и туалетами. Не смотря на такъ именуемый, «мертвый» сезонъ, народу было многое множество. Это все болѣе чужеземцы, наводняющіе въ Іюлѣ и Августѣ Парижъ, спѣшащіе на морскія купанья или въ Швейцарію, снующіе безпрерывно взадъ и впередъ. Обѣдали мы съ отцомъ въ ресторанахъ разнаго типа; руководителями нашими по кулинарной части были Бутурлинъ и кн. Горчаковъ (сынъ канцлера). Первый тащилъ туда, гдѣ было повкуснѣе и посытнѣе; онъ слылъ гастрономомъ и соперничалъ апетитомъ съ извѣстнымъ въ Москвѣ Рахмановымъ, которому приписываютъ слѣдующія слова. Сидя у открытаго окна, онъ всласть накушался; четверть телятины уменьшилась на половину. Въ ту минуту, когда онъ отдыхалъ, какъ боа, и переваривалъ проглоченное, подошелъ нищій, прося милостыню и жадно глядя на пищу. «Счастливецъ, воскликнулъ обжора; онъ ѣсть хочетъ!» Наоборотъ умѣренный и расчетливый князь впадалъ въ другую крайность: онъ разыскивалъ дешевые рестораны, которые оказывались весьма плохими; отецъ, любившій хорошо кушать, даже ворчалъ; да и я, не смотря на свою неприхотливость, выходила изъ за стола почти голодная.

Мы, конечно, посѣтили гробницу Великаго Наполеона, окруженную его трофеями. Увы! Географическая карта Франціи не расширилась вслѣдствіе его завоеваній. Можно только повторить за мудрецомъ: Oh, vanité des vanités, tout n'est que vanité! [2])

Въ театрѣ Итальянской оперы шелъ «Пророкъ», когда мы тамъ важно засѣдали въ ложѣ противъ Императорской, почему на насъ направлены были бинокли со всѣхъ сторонъ. Вѣроятно насъ принимали за Американскихъ милліардеровъ, владѣльныхъ принцевъ Нѣмецкихъ или очень важныхъ Русскихъ бояръ. Вѣдь мы занимали самую дорогую во всей залѣ ложу.

Изъ Парижа мы поѣхали въ Аркашонъ. Проѣзжая Бордо въ утомительно жаркую погоду, мы все-таки захотѣли взглянуть на этотъ городъ винной торговли. Тутъ все сосредоточено на этой промышленности, лавки, подвалы крупныхъ фирмъ, изъ которыхъ одна изъ выдающихся нашего Елисѣева. У него свои виноградники, свои суда. Здѣсь всѣ величаютъ его графомъ.

---

[1]) Послѣ леченія.

[2]) О суета суетъ, и все суета!

Когда, возвращаясь, мы переѣхали нашу границу, повѣяло на меня отечественнымъ духомъ. Хотя невзрачна наша природа, но сердцу Русскому мила; въ ней есть что-то недосказанное и что-то въ будущемъ сулящее. Моя мысль, быть можетъ, покажется странной, но я испытываю такое чувство при взглядѣ на наши необъятныя тихія нивы, на наши широкія, безконечныя рѣки, на наши пространные лѣса, на всю эту ширь. Тамъ на Западѣ произнесено послѣднее слово въ промышленности, изобрѣтеніяхъ, наукѣ, да кромѣ того много искалѣчено въ области нравственности и истинной вѣры; у насъ еще многое не договорено, и зазвучитъ оно мощно и славно въ будущемъ.

Послѣ смерти матери я еще не снимала трауръ. Хотя мы провели нѣсколько дней въ Петергофѣ, гдѣ готовились къ свадьбѣ Великаго Князя Михаила Николаевича, но я нигдѣ не бывала. Отецъ, по обязанности службы, присутствовалъ на выходахъ и балахъ. Вскорѣ мы уѣхали на зимнія квартиры въ Воронежъ. Конечно, я жалѣла о Петербургѣ, но дѣлать было нечего. Мощи св. Митрофана привлекаютъ множество богомольцевъ; но удивительно, насколько наши губернскіе города унылы, безлюдны; словно жизнь въ нихъ заснула, какъ царевна въ сказкѣ, ожидая какого-нибудь принца, который бы разбудилъ ее. Во время нашего пребыванія епископомъ былъ благочестивый, добрѣйшій старецъ Іосифъ. Это былъ истинный подвижникъ: самъ носилъ себѣ воду, кололъ дрова, несмотря на свои преклонные годы. Окончилъ онъ дни свои слѣпымъ въ Задонскѣ на покоѣ. Я съ отцомъ почти всякій праздникъ, по окончаніи обѣдни, пила у него чай. Такая мягкость, ласковость звучала въ его голосѣ; добрая улыбка не сходила съ его старческаго, но свѣжаго лица съ яснымъ, какъ у младенца, выраженіемъ глазъ. Для перваго знакомства онъ меня нѣсколько озадачилъ, спросивъ, какъ мнѣ нравится соборъ и святыня въ немъ. Я отвѣчала, сконфузившись, что очень, но одно нахожу, что много вездѣ пыли и паутины. Онъ добродушно разсмѣялся, сказавъ: «А гдѣ же столичная барышня это усмотрѣла? Не забываетъ ли она, сколько сотень сапоговъ и лаптей перебываетъ въ теченіе дня въ храмѣ?» Я храбро (однако, сильно покраснѣвъ) возразила: «Конечно, ваше преосвященство, но то на полу слѣды грязи, а отчего столько пыли и паутины на бархатной сѣни у раки преподобнаго?»—«Такъ, такъ, весело заговорилъ онъ, молодые глазки все разглядятъ, а старые проглядятъ». Спустя нѣкоторое время онъ посѣтилъ отца, долго бесѣдовалъ со мною и освѣдомлялся, конечно, у меня, все ли теперь въ порядкѣ. Я отвѣчала утвердительно. Но, говорятъ, изъ за моего доноса сильно досталось монахамъ за недосмотръ; вѣроятно, они меня не поблагодарили за это.

Забавлялъ меня очень часовой въ будкѣ у нашего подъѣзда, а, главное, что онъ мнѣ тоже, при моемъ появленіи, отдавалъ честь. Это отецъ потомъ отмѣнилъ. Нравилось мнѣ и шествіе изъ собора по торжественнымъ и царскимъ днямъ; а нашъ домъ находился какъ разъ противъ. Цѣлая вереница должностныхъ лицъ и дворянъ, идущихъ съ поздравленіемъ къ отцу. По Вторникамъ къ намъ собирались какъ на средней почвѣ, даже враждующіе межъ собой люди. Оригинальна была встрѣча непримиримыхъ враговъ, г-жи Шалѣ, желавшей играть въ городѣ первенствующую роль и писавшей невозможныя пригласительныя записки на Французскомъ языкѣ (это было нѣчто очаровательное) и ея противника, Вигеля, очень неглупаго, довольно язвительнаго господина. Изъ за чего возникла между ними такая злоба, не знаю; но при встрѣчѣ она, проходя мимо его, бросала ему убійственные взгляды и какъ-то шипѣла. Онъ избѣгалъ находиться въ одной съ ней комнатѣ и при видѣ ея отдувался и надувался какъ Индѣйскій пѣтухъ. Такъ и просились они оба на подмостки или на страницы юмористическаго журнала. Пріятные собесѣдники были братья Шидловскіе и Сѣверцовъ; славная была семья у послѣдняго и у вице-губернатора Окунева. Изъ моихъ сверстницъ я очень любила Черткову, Лопухину, ея кузину и красивую Лачинову, а всего болѣе дружна была съ княгиней Гагариной, племянницей предводителя дворянства. И онъ самъ принадлежалъ къ нашему кружку. Губернаторомъ былъ тогда Синельниковъ, нѣкогда дежурный офицеръ, въ бытность отца начальникомъ штаба. При отцѣ всѣ военные были прекраснѣйшіе люди: начальникъ штаба баронъ Дельвигъ, адъютанты—кн. Енгалычевъ, большой мой пріятель, и графъ Остенъ-Сакенъ, сынъ генерала, Севастопольскаго героя, имя котораго упоминается въ сложившейся у солдатъ пѣснѣ.

Въ это время собрана была комиссія по освобожденію крестьянъ. Разработка животрепещущихъ вопросовъ велась дѣятельно (насколько цѣлесообразно, дѣло не моего ума). Многіе помѣщики принялись за благое дѣло, сознавая, насколько этотъ переворотъ необходимъ. Но не обошлось безъ ропота. Ожидая себѣ неминуемую гибель, нѣкоторые думали, что подписываютъ свой смертный приговоръ. Въ ихъ сознаніи не возникала мысль объ общемъ благѣ, не поднимался вопросъ о процвѣтаніи и развитіи Россіи, объ изъятіи ея изъ царства тьмы, забитости, подневолія.

Весной мы вторично предприняли заграничное путешествіе. Проѣздомъ, въ Москвѣ, я увидѣла нашего Кавказскаго побѣдоноснаго вождя Ермолова. Львиная голова его врѣзалась мнѣ въ память; любезное его обращеніе отзывалось не свѣтской вѣжливостью, но чѣмъ-то искрен-

нимъ, чисто-Русскимъ добродушіемъ. Приглашены мы были въ Ивановское къ графу Закревскому, игравшему роль вице-короля; все предъ нимъ преклонялось, трепетало при его неудовольствіи и замѣчаніи. Служащіе слетали съ мѣстъ безъ всякихъ объясненій. Роста онъ былъ ниже средняго, съ почти совершенно голой головой; ничего властнаго въ фигурѣ и въ выраженіи лица нельзя было подмѣтить. Напускалъ ли онъ грубоватость или она была ему присуща, опредѣлить не могу; уменъ онъ былъ, конечно, по природѣ, но едва ли очень образованъ. Все же въ немъ было что-то барское. Графиня, жена его, скорѣе могла быть принята за толстую веселую купчиху, чѣмъ за важную особу. Оба они, и мужъ, и жена, были хлѣбосолы, и у нихъ въ домѣ всѣмъ чувствовалось легко и хорошо. Къ сожалѣнію, прославившуюся ихъ дочь, графиню Нессельроде я не видѣла; воспѣта она была въ романѣ Дюма. Я сидѣла противъ графини Ростопчиной и, быть можетъ, черезчуръ назойливо на нее смотрѣла: любопытство, свойственное молоденькой дѣвочкѣ при видѣ знаменитости. Она вела оживленный разговоръ съ своимъ сосѣдомъ, молодымъ офицеромъ. Послѣ обѣда, когда я проходила мимо нея, она остановила меня словами: «Вы, кажется, m-lle Витовтова, удивились, что такая пожилая особа, какъ я, любезничаетъ съ молодымъ человѣкомъ: онъ сынъ моей пріятельницы». Меня она такимъ высказомъ привела въ смущеніе, но, собравшись съ духомъ, я отвѣчала, что смотрѣла на нее съ восторгомъ, какъ и вся Россія. Должно быть, наивное и вмѣстѣ съ тѣмъ лестное мое объясненіе ей понравилось; она со мною продолжала разговаривать и впослѣдствіи, чрезъ общихъ знакомыхъ, присылала мнѣ поклоны. Красива она не была, но въ умныхъ глазахъ ея пробѣгали какія-то искорки, на лицѣ отражалось что-то необыкновенное, своеобразное, чрезвычайно привлекательное.

Памятна мнѣ встрѣча на какой-то перекрестной станціи съ наслѣднымъ принцемъ Прусскимъ, отцомъ нынѣшняго императора Вильгельма, такъ недолго процарствовавшимъ. Принцъ былъ строенъ и съ очень привлекательной наружностью. Поздоровавшись съ отцомъ, котораго прежде зналъ, онъ любезно протянулъ мнѣ руку и спросилъ: «Люблю ли я путешествіе и не скучаю ли по родинѣ?»

Осенью мы возвратились въ Воронежъ. Зимой давались вечера и балы въ красивомъ и обширномъ залѣ Дворянскаго собранія, по случаю предстоявшихъ выборовъ. Впервыя присутствовала я на этомъ шумномъ съѣздѣ, событіе важное для губернскаго мірка. Съ любопытствомъ слѣдила я съ хоръ за передвигавшимися безпрерывно группами дворянъ, жужжавшими подобно улью и охотно жалившими другъ

друга, какъ гнѣздо осъ. Около меня волновались за мужей, родныхъ и поклонниковъ заинтересованныя въ выборахъ дамы, и онѣ одна на другую бросали косые, не совсѣмъ таки доброжелательные, взгляды. Началась балотировка. Торжественно подходили по очереди старые, пожилые и молодые; въ ящикъ безшумно опускался шаръ и рѣшалъ судьбу волнующихся. Дѣло разрѣшилось выборомъ большинствомъ голосовъ А. Н. Сомова въ «губернскіе». Отставной морякъ, богатый помѣщикъ, холостякъ, онъ былъ «отчаяніемъ» маменекъ. Выгодная партія ускользала изъ ихъ рукъ, не смотря на всевозможные подходы и ухищренія. «Быть можетъ, теперь удастся: вѣдь нужна же ему хозяйка для пріемовъ», таковы были надежды маменекъ послѣ выборовъ. Но нѣтъ, онъ все-таки продолжалъ избѣгать узъ Гименея и упорствовалъ въ безбрачіи. Впрочемъ, прошло два-три года, и онъ былъ назначенъ Тверскимъ губернаторомъ: безпокойная губернія, величаемая передовой, требовала умиротворяющаго элемента, и онъ оказался на высотѣ своего призванія. Обходительный и дѣловитый, онъ сумѣлъ покорить буйныя головы и строптивыя сердца и, если вспышки бывали, и онъ не вполнѣ ихъ укротилъ, то разными мягкими, умѣлыми пріемами ихъ обуздалъ, хотя отчасти. Одно огорченіе причинилъ онъ: онъ не былъ хлѣбосоломъ и не отличался гостепріимствомъ. Отъ важнѣйшаго до мельчайшаго у насъ все совершается «покушавши», по Французской весьма мѣткой пословицѣ: Ventre affamé n'a pas d'oreilles. Обличье Пѣтуха Гоголевскаго болѣе или менѣе проглядываетъ въ каждомъ Русскомъ, не въ столь утонченномъ видѣ, но съ тѣмъ же стремленіемъ угостить и въ столь же добродушномъ настроеніи за трапезой. Ревизуя уѣзды, Сомовъ по старой памяти заѣзжалъ навѣстить меня въ наше имѣніе.

Пріѣзжалъ въ Воронежъ, еще не въ зенитѣ своей славы, Славянскій и услаждалъ нашъ слухъ Русскими напѣвами.

Въ числѣ моихъ Воронежскихъ знакомыхъ была весьма красивая особа, легкомысленно обвѣнчавшаяся въ первый разъ со скромнымъ «становымъ», но за тѣмъ поправившая ловко непростительную ошибку, вышедши за богатаго аристократа, занимавшаго высокое служебное мѣсто. Я у нея даже крестила сына. Знакомство наше началось во время ничтожества ея положенія, когда она на вечера, за неимѣніемъ своихъ, надѣвала мои платья, но съ наступленіемъ времени величія наши пути разошлись: я, по выходѣ замужъ жила въ деревнѣ, она же блистала въ большомъ свѣтѣ, который я покинула.

Отецъ поѣхалъ дѣлать кавалерійскіе смотры въ расположенные по близъ лежащимъ губерніямъ полки, а меня отпустилъ къ сестрѣ.

Радостно пустилась я въ путь, ѣхала со всевозможными удобствами, въ дормёзѣ съ приспособленіями, съ кроватью, которая раздвигалась, и спалось на ней отлично, какъ у себя дома. Были и часы, и фонарь, и шкафики по бокамъ для книгъ и лѣкарствъ. Сопровождалъ меня цѣлый штатъ: компаньонка, внушительнаго вида жандармъ на козлахъ, при пистолетахъ и саблѣ, а на запяткахъ великанъ-лакей въ военной форменной одеждѣ. Упряжь почтовая шестерикомъ везла на славу, по допотопной дорогѣ. Станціонный смотритель при нашемъ появленіи стремительно сбѣгалъ съ лѣстницы, спѣшно застегивалъ на всѣ пуговицы свой потертый мундирчикъ, и, подскакивая къ дверцѣ кареты, спрашивалъ или, скорѣе, почтительно освѣдомлялся, какъ будетъ угодно ея высокопревосходительству: сейчасъ отправиться далѣе или напиться чаю и отдохнуть. Въ одну изъ такихъ остановокъ, я отъ жары и мухъ вышла на крылечко изъ душной избы, но и тутъ зрѣлище было безотрадное. У дома стоялъ огромный чанъ воды, кругомъ черноземная липкая грязь; цѣлыя кучи вымазанныхъ дегтемъ жирныхъ хрюкающихъ свиней, всякихъ возрастовъ и цвѣтовъ, подходили къ чану то и дѣло и жадно пили, испуская какіе-то неопредѣленные звуки. Освѣжившись, они радостно встряхивались. Каково было мое удивленіе, каковъ мой ужасъ, когда я увидѣла бабу тоже грязную, вышедшую изъ дома съ ведромъ и преспокойно черпавшую воду изъ того же чана, первоначально разогнавши свиней крѣпкими словцами и ударами прута. Я, точно по предчувствію, обратилась къ ней съ вопросомъ, куда она несетъ ведро?— «Извѣстно, отвѣчала она, добродушно улыбаясь, тебѣ, барышня, на самоваръ»... Я и моя компаньонка стали отчитывать оторопѣвшую бабу. На эту сцену выскочилъ смотритель, вытолкалъ совсѣмъ ошеломленную бабу и поспѣшилъ насъ успокоить, объявивъ, что сейчасъ же пошлетъ за водой. Какъ оказалось, колодезная вода горька, затхлая и совсѣмъ не годится для питья: имъ лѣнь ѣздить съ бочкой подъ гору и брать воду изъ рѣки.

Природа скудная, наводящая уныніе, и хаты какія-то безмолвныя, угрюмыя. Только около Корочи разнообразятъ видъ мѣловыя горы, издали напоминающія снѣжныя вершины Альпъ. Орелъ—городъ заурядный, но Харьковъ произвелъ на меня выгодное впечатлѣніе. За станцію до него тянулся обширный лѣсъ, какъ утверждали, небезопасный для путешественниковъ. Обстановка наша была слишкомъ внушительна, чтобы опасаться нападенія, хотя бы и ночью. Однакоже одновременно съ нами ѣхалъ офицеръ-ремонтёръ и предложилъ намъ свои услуги. Самъ онъ помѣстился рядомъ съ ямщикомъ, а жандарму уступилъ свою перекладную. Кажется, такое перемѣщеніе обоихъ удовлетворило: офи-

церу было пріятнѣе отдохнуть, ѣдучи послѣ тряской телѣги въ рессорномъ экипажѣ, а жандармъ могъ въ волю накуриться, чего онъ не позволялъ себѣ въ нашемъ присутствіи, изъ уваженія къ столь именитымъ особамъ. Нашъ поѣздъ принялъ воинственный видъ, но ни свиста «соловья-разбойника», ни зловѣщихъ фигуръ мы нигдѣ не видѣли и не слышали.

Наконецъ, черезъ нѣсколько дней, добрались мы до имѣнія моего зятя. Сестра окружила меня сердечными заботами. У нихъ было четверо дѣтей: три сына и одна дочь. Послѣднему мальчику не было и года, когда они осиротѣли. Лишившись материнскихъ ласкъ, они воспитывались попеченіями доброй бабушки, начальницы Екатерининскаго Института и подъ надзоромъ дочери ея, незамужней тетки, фрейлины Родзянко. Изъ числа моихъ племянниковъ старшій первымъ окончилъ Академію Генеральнаго Штаба; второй, по выходѣ изъ Пажескаго Корпуса, вскорѣ женился; третій, покинувъ кавалергардскій полкъ, куда всѣ трое поступили, служилъ по земству въ своей губерніи. Мой любимецъ съ дѣтства средній, Павелъ (нынѣ шталмейстеръ высочайшаго двора), съ собственнымъ санитарнымъ поѣздомъ отправился на Дальній Востокъ, гдѣ дѣлитъ и переноситъ всѣ трудности наравнѣ со всѣми... Да благословитъ его Господь за этотъ подвигъ! Живой портретъ физически и нравственно своего дѣда,—моего отца. Племянница замужемъ за Пантелѣевымъ. Она очень напоминаетъ мнѣ сестру не столько наружностью, сколько благоразуміемъ и попеченіемъ о семьѣ. Она была крестницей императора Александра II, лично стоявшаго у купели съ моей матерью. Государь всегда очень ласково къ ней относился и въ дѣтствѣ называлъ всегда Машей. Въ пребываніе Персидскаго шаха, на балу, Его Величество спросилъ племянницу, какъ нравится ей шахъ? Она отвѣтила, что ни дать, ни взять одинъ изъ конвоя Государя: такой же черный и носатый. Государь очень смѣялся. Она обожала своего Царя и въ ночь на роковое 1-го Марта видѣла вѣщій сонъ. Ей дважды приснилось, что Государю угрожаетъ опасность. Она такъ плакала и металась во снѣ, что мужъ встревоженный разбудилъ ее. Разсказавъ ему про испытанный ею страхъ, какъ бы услышавъ пророческое предупрежденіе, она умоляла мужа скорѣе спѣшить во дворецъ, добиться пріема и убѣдить Государя не ѣхать на предположенный смотръ. Конечно, мужъ не согласился; да и возможно ли было взять на себя такое порученіе? Сочли все это дѣломъ возбужденнаго воображенія, дикимъ сномъ; а кто знаетъ, не могъ ли онъ быть благодѣтельнымъ предупрежденіемъ кровавой изъ ряда вонъ катастрофы или даже предотвращеніемъ ея?

Прогостила я у сестры недѣли двѣ слишкомъ, насмотрѣлась на цвѣтущія степи Малороссіи съ хлѣбами и травами въ ростъ человѣческій, сплошными коврами цвѣтовъ и зелени, колеблющейся какъ волны морскія при дуновеніи вѣтерка; на громадныя стада овецъ въ 5—6 тысячъ головъ, сопровождаемыя волкообразными злыми псами и пастухами верхомъ; на красивыхъ «дівчатъ» въ ихъ пестрыхъ, оригинальныхъ нарядахъ со множествомъ цвѣтовъ, монистъ и бусъ, отражающими лучи солнца, съ живыми глазами, смуглой кожей и яркимъ румянцемъ; на флегматически располагающихся на своихъ скрипучихъ телѣгахъ или неподвижно сидящихъ съ «люлькой» въ зубахъ хохловъ, при медленномъ шествіи воловъ. Кто изъ нихъ лѣнивѣе—вопросъ, еще не разрѣшенный. Малороссъ за поясъ заткнетъ лѣнивѣйшаго Неаполитанскаго лаццарони. Я страшно боялась тарантуловъ, а ихъ въ этой мѣстности много. Единственное спасеніе отъ нихъ овечья шкура; въ полѣ только на ней можно безопасно уснуть: тарантулы боятся овечьяго запаха, такъ какъ овцы ихъ уничтожаютъ. Средство отъ ужаленія —они же сами, настоянные на маслѣ. Укушеніе ихъ бываетъ смертельное и причиняетъ большія страданія. На Югѣ жаркіе дни смѣняются всегда не только свѣжими, но даже холодными ночами, темными, звѣздными, какими-то таинственными. Красивы и отрадны байраки. Въ этихъ лощинахъ растутъ дубъ, кленъ и другія деревья; между ними пробибирается обыкновенно ручеекъ студеной прозрачной воды. Послѣ раскаленнаго воздуха степи какъ пріятно пробраться въ этотъ оазисъ, насладиться прохладой и глоткомъ освѣжающей влаги. Тутъ же всегда бываютъ пасѣки и ихъ охранитель—сѣдой какъ лунь «дідъ». Благодатная почва, какъ добрая мать, всѣхъ щедро награждаетъ; даже не приходится въ потѣ лица обработывать ее.

Посѣтили мы архіерейскую дачу съ ея обширнымъ садомъ, гуляя въ которомъ получили приглашеніе владыки зайти къ нему. Его преосвященство угощалъ насъ чаемъ и фруктами и оживленно бесѣдовалъ. Изъ себя онъ былъ высокъ и статенъ, съ легкой просѣдью, весьма любезенъ: рѣзкая противоположность по своей свѣткости смиренному, благодушному архипастырю Воронежскому. Были мы въ праздникъ кущей въ очень изящной синагогѣ. Высокій куполъ внутри по лазурному цвѣту усѣянъ звѣздами, а изъ оконъ струится на него и на бѣлыя стѣны и колонны мягкій свѣтъ. Сидѣли Евреи въ своемъ храмѣ кучками, по двое и по-трое, облеченные въ полосатыя хламиды и не то пѣли тихо, не то шептали что-то непонятное. Отъ времени до времени сѣдобласый раввинъ, похожій на библейское изображеніе старѣйшинъ Израиля, подходилъ къ ковчегу и доставалъ изъ него, не знаю что—скрижали или

Тору, громко при этомъ произнося какія-то слова, и потомъ, въ свою очередь, что-то бормоталъ. Женщины тутъ не допускаются: онѣ толпятся на хорахъ.

Продавъ всю лишнюю мебель (провозъ ея обходится очень дорого: кладь шла на подводахъ, такъ какъ Россія не была исполосована желѣзными дорогами, сократившими и время, и траты), мы покинули Воронежъ. Отецъ попросилъ разрѣшенія у Государя оставить занимаемое имъ мѣсто. Мы ѣхали въ Петербургъ, я, чтобы болѣе не возвращаться, но отцу приходилось еще побывать въ Воронежѣ для передачи ввѣреннаго ему корпуса преемнику.

Мы торопились поспѣть къ торжественному открытію памятника императору Николаю I. Состоялось оно при великолѣпной погодѣ и многотысячной публикѣ. Полки приходили передъ памятникомъ церемоніальнымъ маршемъ. Царская фамилія присутствовала въ полномъ составѣ, окруженная дворомъ и высшими военными и гражданскими чинами; конечно, тутъ же находились и придворныя дамы. При этомъ вспомнился мнѣ разсказъ бабушки о церемоніи при поднятіи Александровской колонны. Устроены были особыя приспособленныя машины для водворенія ея на цоколь и, кажется, фигура благословляющаго ангела водружена была послѣ окончательнаго водруженія самой колонны. Статуя Николая Павловича, въ кирасирской формѣ, верхомъ, очень удачна; его осанка вѣрно схвачена, какъ и черты лица съ повелительнымъ взглядомъ, барельефы изображаютъ главныя событія его царствованія. Но, по моему, самый пьедесталъ черезчуръ высокъ. Всего лучше это четыре фигуры по угламъ, портреты вдовствующей императрицы Александры Ѳеодоровны и трехъ ея дочерей. Всѣ онѣ классически хороши, и лица ихъ пригодны для статуй. Отецъ уѣхалъ, помѣстивъ меня у родственниковъ Глинокъ-Мавриныхъ, у которыхъ я гостила въ имѣніи близъ Луги. У нихъ жилось очень привольно: старинная барская усадьба, окруженная прекраснымъ паркомъ, за предѣлами котораго блестѣло озеро, а на берегу виднѣлся монастырь, скромная обитель, куда мы ѣздили къ обѣднѣ. Въ стѣнахъ его все, начиная съ братіи и кончая строеніями, было очень не роскошно и ничѣмъ не напоминало богатство пригородныхъ монастырей.

Въ Петербургѣ меня ожидало великое горе. Не стало сестры... Я впала въ какую-то апатію, и мнѣ предписаны были нашимъ другомъ Буяльскимъ постоянныя катанія и гулянья пѣшкомъ.

Сестра умерла въ Іюлѣ, и я до Рождественскихъ праздниковъ почти никуда не выѣзжала, бывая только у родныхъ и самыхъ хорошихъ

знакомыхъ. Изъ числа моихъ ближайшихъ подругъ назову С. Норову и сестеръ Клейнмихель; хороша я также была съ А. Корфъ. Первая вышла замужъ за Пилляръ-фонъ-Пильхау, вторая была за Козеномъ. Отрадно вспомнить, какъ онѣ обѣ, Норова и я, веселились въ обществѣ другъ друга. Теперешнія барышни скучаютъ безъ присутствія мужчинъ; нашъ квартетъ не нуждался въ нихъ, чтобы безъ умолку болтать, проказничать и смѣяться. Графъ съ семьей занималъ просто дворецъ; богатая обстановка, ватага прислуги и безконечное число просителей и посѣтителей. Частые базары въ обширныхъ залахъ въ пользу патріотическихъ школъ, которыхъ графиня была предсѣдательницей, не обходились безъ меня; я торговала игрушками, и меня, продавщицу, покупатели осыпали подарками. Давались блистательные балы съ присутствіемъ царской фамиліи, спектакли съ благотворительною цѣлью. На одномъ изъ нихъ и я отличалась. Семейный бытъ ихъ былъ очень привлекателенъ, хотя въ присутствіи главы семейства, не смотря на его добродушіе и шутки, всѣмъ было какъ-то стѣснительно. Хозяинъ онъ былъ прелюбезный, но на небольшіе вечера иногда совсѣмъ не выходилъ, или выходилъ очень поздно, ссылаясь на занятія. Мнѣ врѣзался разговоръ во время обѣда. Разсуждалъ онъ съ кѣмъ-то о недавно выстроенной желѣзной дорогѣ и смѣялся, разсказывая, что въ первый годъ своего существованія она принесла чистаго дохода нѣсколько копѣекъ. Немудрено: большинство боялось такихъ путешествій и относилось скептически. Меня графъ любилъ, а я, не сознавая его тогдашняго величичія, безцеремонно съ нимъ шутила. Кромѣ баронессы Корфъ (впослѣдствіи замужемъ за посланникомъ Моренгеймомъ въ Парижѣ, прелестной Гретхенъ), я дружна была съ рѣдкой по уму и сердцу графиней Игнатьевой, нынѣ Зуровой.

Часто приходили ко мнѣ двоюродные братья, которыхъ у меня было пятеро. Мы занимались музыкой, шумно бесѣдовали и играли въ карты. Скучно не было; но отецъ находилъ, что я въ такіе молодые годы слишкомъ долго не выхожу изъ траура и веду жизнь слишкомъ затворническую. Онъ пожелалъ, чтобы съ наступленіемъ святокъ я начала выѣзжать. Развлеченій было много. Начались мои выѣзды оперой, и выѣздъ этотъ составляетъ эпоху въ моей жизни. Будучи за границей, я часто встрѣчала (хотя знакома не была) моего мужа. Онъ въ моихъ дѣвичьихъ грезахъ занималъ первенствующее мѣсто. Войдя въ ложу, я была поражена и обрадована до испуга, увидѣвъ въ сосѣдней ложѣ предметъ моихъ мечтаній. Послѣ частыхъ встрѣчъ на водахъ мнѣ ни разу не удавалось его видѣть. Вообще онъ любилъ только товарищеское общество и отклонялъ всякія приглашенія. Вскорѣ

при дворѣ былъ назначенъ балъ въ концертномъ залѣ, всегда очень многолюдный. Двоюродный братъ мой, Волковъ, товарищъ мужа по Школѣ Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ, по его просьбѣ подвелъ его ко мнѣ. Онъ не танцовалъ (что мнѣ очень понравилось) и, поговоривъ, выразилъ желаніе представиться отцу. На другой день онъ былъ съ визитомъ. Такъ началось наше знакомство. Мечта моя сбылась; конечно, подъ впечатлѣніемъ происшедшаго, я не обращала вниманія ни на нарядный залъ, бѣлый съ колоннами, вокругъ коихъ вились свѣчи въ стеклянныхъ колпакахъ, ни на роскошь туалетовъ, сіявшихъ самоцвѣтными камнями, не слушала оркестра Лядова, переходившаго отъ полныхъ нѣги вальсовъ къ оживленнымъ кадрилямъ и воодушевляющей мазуркѣ. Я была въ чаду...

Еще веселѣе были эрмитажные балы, для избраннаго кружка. Танцуютъ въ восхитительномъ залѣ въ Мавританскомъ вкусѣ, напоминающемъ разсказы объ Альгамбрѣ. Весь онъ тоже бѣлый, но съ легкой причудливой позолотой на стѣнахъ. Вверху тянется легкая галлерея или хоры; на нихъ играетъ музыка. Залъ отдѣленъ отъ зимняго сада огромной аркой съ великолѣпной, разноцвѣтной, въ восточномъ вкусѣ, занавѣсью. Для ужина она раздвигается и, среди зелени и освѣщенія разнаго цвѣта фонарями, накрыты столы на 9—10 приборовъ. Великолѣпны спектакли въ небольшихъ размѣровъ эрмитажномъ театрѣ. Залъ расположенъ амфитеатромъ; въ партерѣ ряды креселъ, занимаемые — первый царственными особами, остальные сановниками статскаго и военнаго вѣдомствъ. Мундиры, расшитые золотомъ и серебромъ, ленты, ордена на груди и шеѣ... На скамейкахъ, покрытыхъ бархатомъ, подымающихся одна надъ другой, возсѣдаютъ барыни, залитыя брилльянтами и драгоцѣнными камнями, въ сіяніи роскошнаго туалета и красоты. Когда я присутствовала здѣсь, шла «Дочь полка», конечно, съ участіемъ лучшихъ Итальянскихъ артистовъ. Тогда гремѣли имена Лабшаша, Тамбурини, Кальцолари, несравненной по голосу и изящной наружности Бозіо. Кажется, съ Патти, Луккой, Нельсонъ, Дебаини, Еверарди, Форшесо закончилось все выдающееся въ мірѣ классическихъ пѣвцовъ. Жиже и жиже становятся голоса, менѣе и менѣе увлекаютъ они слушателя; передача страстной музыки Верди, поэтической Россини, Беллини съ Доницетти, патетической Мейерберга не находитъ себѣ достойныхъ исполнителей, не дѣйствуетъ захватывающимъ образомъ; изъ театра выходишь равнодушно.

Необычайно милостивъ былъ ко мнѣ обожаемый и мною и отцомъ ангелъ-монархъ Александръ II. Сколько мягкости, душевной теплоты

отражалось въ его обликѣ и обращеніи! Не даромъ былъ онъ воспитанъ Жуковскимъ. Въ немъ не тлѣла, а ярко свѣтила идеальная искорка, заброшенная въ его отзывчивое, любвеобильное сердце даровитымъ воспитателемъ. Всегда и ко всѣмъ привѣтливый, сочувствующій; лицо его постоянно озаряла ясная улыбка. Я свято храню память о его вниманіи ко мнѣ, о всѣхъ оказанныхъ имъ милостяхъ отцу моему, съ глубокой признательностью. До сей минуты безъ какого-то нервнаго трепета не могу вспомнить о кровавомъ злодѣяніи 1-го Марта. Часто благодарю Господа, что отецъ, при его пламенной любви къ незабвенному царю, не дожилъ до рокового дня. Отношеніе Его Величества къ престарѣлому вѣрному слугѣ было настолько тепло, что онъ нерѣдко удостоивалъ его своимъ посѣщеніемъ, лично крестилъ съ моею матерью ребенка моей сестры. По его желанію нарисована и поднесена отцу, въ пятидесятилѣтній юбилей служенія его въ офицерскихъ чинахъ, картина, изображающая его капитаномъ, стоящимъ предъ его баталіономъ и императора Николая съ наслѣдникомъ на рукахъ По царскому повелѣнію въ квартирѣ юбиляра собралась вся государева свита. Присутствовали также нѣкоторые изъ великихъ князей. Обѣдъ въ Дворянскомъ Собраніи состоялся кувертовъ на 500, произносились рѣчи, читались стихи Глинки. Были члены и царской фамиліи, министры, генералитетъ, прежніе сослуживцы, по этому случаю пріѣхавшіе родные, друзья.

Когда отцу разрѣшено было Государемъ переселиться въ Москву, въ надеждѣ улучшенія здоровья, онъ все-таки считался состоящимъ на службѣ при особѣ Государя, въ качествѣ генералъ-адъютанта. Въ бытность свою въ Москвѣ, Государь всегда навѣщалъ отца. Въ годъ свадьбы своей дочери Е. И. Величество сопровождалъ молодыхъ въ первопрестольную столицу. Императрица сопутствовать имъ не могла по причинѣ слабости и уже тогда таившагося въ ней недуга. Начался цѣлый рядъ увеселеній для встрѣчи новобрачныхъ. Увидавъ меня на балу дворянскомъ, Государь подошелъ ко мнѣ и обратился съ такими словами: «Какъ чувствуетъ себя Павелъ Александровичъ? Сожалѣю, но врядъ ли къ нему попаду». Я отвѣчала, что поспѣшу передать отцу сказанное имъ и что и это его утѣшитъ и придастъ бодрости. Возвратившись поздно домой, я однакоже наскоро сообщила отцу о разговорѣ и велѣла рано утромъ отнести къ нему мое посланіе. Съ выхода, когда цѣловали руку у новобрачной, въ придворномъ платьѣ я проѣхала прямо къ отцу. Онъ встрѣтилъ меня съ сіяющимъ лицомъ и голосомъ, дрожащимъ отъ умиленія, объявилъ мнѣ: «А царь только что былъ у меня!» Въ вечеръ того же дня Государь на балѣ у князя Долгорукаго опять осчастливилъ меня разговоромъ. «А я нашелъ время»

сказалъ онъ улыбаясь, навѣстить Павла Александровича и прочелъ вашу записку. Аккуратно исполняете вы порученія. Жаль, не удалось мнѣ привезти ему моихъ молодыхъ».

У квартиры отца, на Тверской, противъ церкви Благовѣщенія, всегда при царскихъ посѣщеніяхъ собиралась густая толпа, и въ ней шли разнообразные толки, къ кому Его Величество ѣздитъ. Было рѣшено, что къ бывшему своему дядькѣ.

Я съ мужемъ и дѣтьми жила въ имѣніи и познакомилась съ новой родней и съ однимъ изъ ея членовъ, извѣстнымъ Щедринымъ *), братомъ моего мужа. Въ семейномъ быту онъ былъ молчаливъ и угрюмъ, но когда, случалось, на него находилъ разговорчивый стихъ, въ теченіе цѣлаго часа онъ высказывалъ по поводу одного и того же предмета діаметрально противоположныя сужденія и мнѣнія, и все съ желчнымъ оттѣнкомъ и видимымъ раздраженіемъ. Быть можетъ, это зависѣло отъ черезчуръ большого запаса мыслей, отягощающаго мозгъ, или это было плодомъ постоянной работы сатирической наблюдательности. Я его литературной дѣятельностью не восхищалась. Высказываю это смѣло. Сарказмы его доморощеные и отдаютъ вовсе не аттической, а чисто-Русской, повареной солью. Не могу простить глумленія его надъ собственной семьей, а въ особенности выставленію на показъ родной своей матери. Къ нему примѣнима пословица: «для краснаго словца не жалѣть ни матери, ни отца»; а мнѣ сдается, что близкіе, кровные своего рода «святое святыхъ»; допускать туда докучливые взоры праздной толпы непохвально; скорѣе слѣдуетъ ихъ защищать и щадить, не выставляя на показъ ихъ слабости и порочныя стороны. Это по моему значитъ надругаться надъ самимъ собой. Люди высокаго ума, вѣроятно, судятъ иначе. Удивительная была у него смѣсь доброты и злобы. Мнѣ всегда казалось, что онъ глубоко скрываетъ свое честолюбіе. Вѣдь онъ не былъ чуждъ повышеніямъ по службѣ и всякимъ отличіямъ. Золотой телецъ былъ его идоломъ.

Свекровь моя, хотя по стрункѣ вела своихъ подданныхъ и все дѣлалось по ея велѣнію безропотно и безпрекословно, была женщина недюжиннаго ума и обижать ихъ не обижала. Соблюдая собственныя выгоды, она не отягощала ихъ работой и поборами. Конечно, для меня, непривычной, странно и зазорно казалось, что престарѣлыхъ служите-

*) Родовое имѣніе Салтыковыхъ, доставшееся старшему въ роду, Дмитрію Евграфовичу, село Спасское, Тверской губ., Калязинскаго у., даровано Салтыковымъ съ 500 душъ крестьянъ царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ. Царица Парасковья, жена царя Іоанна Алексѣевича, значится въ родословной Салтыковыхъ. Изъ нихъ нѣкоторые пожалованы позднѣе графами и князьями.

лей и служанокъ величали Фильками, Матрешками, гоняли за нѣсколько десятковъ верстъ въ стужу и непогоду пѣшкомъ съ нужными и ненужными порученіями, иногда просто съ барскими затѣями. Я втайнѣ негодовала. Но, повторяю, обиды они себѣ не видали, а это принималось ими, какъ подневольными, за нѣчто должное, для нихъ обязательное. Въ старикахъ видны были остатки прежней приниженности; но въ молодыхъ проявлось нѣкоторое самосознаніе. Слышались иногда внушительные оклики свекрови: «что̀, матушка, носъ-то задрала, рано фордыбачиться стала; острастки-то видно, полагаешь, на тебя нѣтъ, ошибаешься». Вся женская прислуга во всякую погоду бѣгала босикомъ. Меня это коробило, и я попала впросакъ: недолго думая, всѣмъ имъ я заказала обувь. И досталось же мнѣ за это своевольное распоряженіе! «Городская молъ жительница, невѣстушка, порицаетъ старую дуру; людей она, вишь, мучаетъ, въ черномъ тѣлѣ; посвоему прислугу держать хочетъ»... Я, конечно, извинилась, да вовсе и не имѣла намѣренія стать соправительницей и дала себѣ слово до поры до времени ни во что не вмѣшиваться, чтобы не накликать на себя неудовольствіе и упреки старушки, хотя сдѣлала это изъ состраданія, безъ всякаго поползновенія разыгрывать хозяйку и подрывать ея власть. Впрочемъ, со свекровью мы ладили, жили дружно, не смотря на рознь во взглядахъ, привитыхъ воспитаніемъ, примѣромъ и средой, а главное, благодаря перевороту въ нравахъ и обычаяхъ. Я щадила укоренившіяся въ ней понятія самодержавія, а она снисходительно относилась къ новшеству моихъ воззрѣній.

Еще непригляднѣе и возмутительнѣе казалось мнѣ обращеніе съ духовенствомъ. Словно и оно состояло у помѣщиковъ въ какомъ-то непонятномъ подчиненіи. Возмущала меня кличка «попъ»; часто повторялось: «тащи попа всенощную служить» и т. п. грубые отзывы. Удивлялась я также неряшливости и какой-то одичалости священниковъ, отсутствію въ нихъ самолюбія; смущали меня косички дьячковъ, чрезвычайно комичныя, ихъ неотесанность, усиленные, подобострастные ихъ поклоны. Когда я вникла во все это, я все хорошо поняла. Ничѣмъ не обезпеченный служитель алтаря, по большей части обремененный семьей, зависѣлъ вполнѣ отъ помѣщика, особенно богатаго и вліятельнаго, а также, нерѣдко, заносчиваго самодура. Разсердившись на него, если въ чемъ ему не угодилъ, случалось, отказывалъ онъ отъ дома, и требы исполнялись іереемъ изъ сосѣдняго прихода. Иногда писались на него жалобы, совершенно несправедливыя, къ владыкѣ, и бѣднягѣ приходилось,скрѣпя сердце, уступать и терпѣть. Я говорю вообще; но у насъ въ вотчинѣ, служа въ двухъ приходахъ, состояли два брата, Бѣлгородскіе, трезвые и весьма порядочные. Совѣстно упоминать объ одномъ знатномъ титу-

лованомъ владѣльцѣ, жившемъ невдалекѣ отъ насъ, который проводилъ время, гоняясь ямщикомъ на своихъ кровныхъ рысакахъ, и считалъ лучшимъ развлеченіемъ для себя, созвавши причетъ, напоить всѣхъ до «чортиковъ», иныхъ въ состояніи невмѣняемости привязывать къ стулу, а у иныхъ, заснувшихъ облокотившись на столъ и низко опустившихъ голову, припечатать сургучемъ бороду. Вотъ какія бывали выходки! А домъ этого человѣка, на берегу Волги, былъ нѣкогда дворцомъ Бориса Годунова. Разоренный и проданный имъ, онъ нынѣ собственность купца, учредившаго въ немъ какую-то мелкую фабрику.

Въ вотчинѣ моего мужа крестьяне почти всѣ были зажиточные, исключая отчаянныхъ пропойцъ и лежебокъ. Теперь посмотришь, куда дѣвалась эта зажиточность! Мало уцѣлѣло хорошихъ хозяйствъ. Стада плохія, поля обработаны небрежно, всѣхъ одолѣла тяга въ городъ, на легкую наживу, на фабричное раздолье. Не существуетъ болѣе семей въ числѣ 20 и болѣе душъ; всѣ раздѣлились, рѣдкость найти семью дружную, состоящую изъ нѣсколькихъ женатыхъ братьевъ и родителей, живущихъ подъ однимъ кровомъ. Прежде, когда не было всесословной повинности, помѣщики самоуправно отдавали въ солдаты крѣпостныхъ. Имѣло это и свою хорошую сторону: вмѣсто работящаго, подлежащаго рекрутскому набору, мужики ставили нерадиваго, негоднаго. Когда состоялся раздѣлъ по уставнымъ грамотамъ, мужики крайне недовѣрчиво относились къ отрѣзкамъ участковъ, вездѣ ожидая обмана въ ущербъ себѣ. Въ одной мѣстности, за негодностью земли, мужъ мой предоставилъ мужикамъ по 1½ дес. лишнихъ, болѣе положеннаго. Они долго упорствовали, не соглашаясь принять даръ и подозрѣвая въ этомъ уловку, чтобы задержать ихъ въ крѣпости; имъ насилу втолковали, что противъ царскаго указа идти нельзя, и отмѣнить или отложить ихъ увольненіе никто не въ правѣ. Сцены съ уставными грамотами случались самыя разнообразныя и комичныя. Помѣщиковъ въ родѣ Плюшкина оказалось немало; дрожали они за свою собственность, за каждый клочекъ земли самой негодной, за всякій кустикъ, съ ожесточеніемъ смотрѣли на бывшихъ своихъ холоповъ. Сожалѣю, что по молодости и глупости не записывала я любопытные разсказы мужа, бывшаго мировымъ посредникомъ и обладавшаго такою же наблюдательностью, какъ и его братъ. Надо было вооружиться хладнокровіемъ и терпѣніемъ, чтобы выслушивать пререканія и всякія вздорныя выходки и согласить упрямство помѣщиковъ и крестьянъ, изъ которыхъ одни дѣйствительно многаго не понимали, а другіе умышленно понять не хотѣли статьи закона и противились исполненію предписаннаго.

Вскорѣ послѣ объявленія воли, вѣроятно по чутью, налетѣли въ сёла аферисты для скупки старинныхъ монетъ. За серебряный рубль

давали 10 коп., а за пятирублевый золотой чуть ли не полтинникъ. Въ одномъ изъ селъ мужниной вотчины, гдѣ насчитывалось до сорока дворовъ, эти аферисты загребли до 11 тысячъ. Хранились эти деньги въ корчагахъ и зарыты были въ укрытыхъ мѣстахъ въ землѣ отъ жадныхъ и зоркихъ взоровъ господъ и ихъ управляющихъ, еще чище обиравшихъ крестьянъ. Конечно не всѣ бы изъ первыхъ воспользовались чужими сбереженіями, добытыми въ потѣ лица; но были и такіе которые не посовѣстились бы захватить собственность своихъ вассаловъ, думая, что какъ они сами, такъ и все имъ принадлежащее составляетъ ихъ достояніе. Недовѣріе понятно.

Когда свекровь передала въ руки мужа имѣніе, почти всѣ служившіе при прежнихъ порядкахъ въ разныхъ должностяхъ остались на своихъ мѣстахъ, и теперь нѣкоторые изъ нихъ мирно доживаютъ вѣкъ а иждивеніи моего сына. Насколько я присмотрѣлась къ пресловутому, япомѣщичьему хозяйничанью, оно велось своеобразно и необременительно для самихъ владѣльцевъ. Избирался обыкновенно, среди крѣпостныхъ, для домашняго хозяйства, среди дворовыхъ, для полевого между крестьянами, какой-нибудь юркій, способный и умѣвшій угодить человѣкъ, и ему оказывалось полнѣйшее довѣріе. Онъ забиралъ въ свои цѣпкія руки бразды правленія и, отдавая отчетъ въ своихъ плутовскихъ дѣяніяхъ, умѣлъ все округлить и барынѣ зубы заговорить. Выборъ падалъ иногда на Нѣмца для вящей острастки вотчины и въ полномъ убѣжденіи его честности...

Отецъ мой скончался 10 Марта 1876 года. Горе было великое. Утѣшало сочувствіе всѣхъ и, еще разъ, расположеніе незабвеннаго царя, назначившаго панихиду по отцѣ въ дворцовой церкви. Въ Москвѣ служили панихиды, торжественно сопровождали тѣло, съ генералъ-губернаторомъ во главѣ, военные; шелъ пѣшкомъ съ духовенствомъ преосвященный Леонидъ, а около Покровскихъ казармъ выстроены были солдаты по пути слѣдованія. Отпѣвали, по прибытіи въ Петербургъ, въ церкви Спаса Преображенія, соборѣ гвардіи, въ присутствіи Его Императорскаго Величества и великихъ князей. Государь со свитой слѣдовалъ за погребальной процессіей почти до половины Литейной. Далѣе шествіе дошло до Дѣвичьяго монастыря, гдѣ и покоится прахъ моихъ родителей. Въ обѣихъ столицахъ улицы были полны народа, конки были пріостановлены, и вообще воздано покойному то, что было заслужено имъ безпредѣльной привязанностью къ царю, строгимъ и честнымъ исполненіемъ долга.